Произведения лауреатов и дипломантов Пятого открытого литературного конкурса имени Всеволода Остена - Номинация «Сопричастность»

Номинация «Сопричастность» 2026

Первое место (золото) и звание лауреата:
Тетенькина Татьяна Григорьевна (персональный номер участника - 558)

Второе место (серебро) и звание лауреата:
Гахов Александр Константинович (610)

Третье место (бронза) и звание лауреата:
Жданов Александр Борисович 700)

Звание дипломанта:
Гошев Сергей Аркадьевич (577)
Журихина Таисия Николаевна (869)
Грицук Анатолий Павлович (871)
Долина Валентина Михайловна (568)
Савенкова Галина Михайловна (575)
Кожевникова Екатерина Игоревна (548)
Быкова Людмила Александровна (530)
Пуговкина Евгения Леонидовна (617)
Батрушевич Валерий Евгеньевич (592)

Тетенькина Татьяна Григорьевна – родилась в Брестской области. Окончила факультет журналистики Белорусского государственного университета в Минске. В 1971 году переехала в Калининград. Работала редактором в газетах и книжных издательствах. Член Союза писателей России. Живёт в Калининграде.

Ярым врагам России

Нет, не бывать фашистскому засилью
В стране, где свет Победы не погас!
Хотите жить – не лезьте на Россию,
И мёртвые – с собой утянем вас.

И если вы вконец ещё не глухи,
Услышьте, как растёт народный гнев.
Вновь жаждете вы горя и разрухи,
Почти за сотню лет не поумнев?

Громили наши предки вас когда-то,
Да и не раз, пинками гнали вон.
«Приветом» от российского солдата
Апломб ваш будет крепко уязвлён.

Мы русские, мы долго запрягаем,
Зато потом летим во весь опор.
Вы зря решили, будто мы пугаем,
С врагом у нас короткий разговор.

Но, может быть, очнутся ваши люди,
Обычные, не те, что у руля.
А если нет – история рассудит…
Коль сохранит историю Земля.

Затмение

Это правда, не кино, в телевизоре…
Боже святый, сколько зла в мире вызрело!
Украина, ты когда обездушила?
Обезумела, лжецов жадно слушала…
Я – себе:
«Зажмурь глаза… Страшно… Не гляди…
Это больше, чем враги, это нелюди…»
А потом:
«Смотри, смотри, и оплачь беду.
Там ведь наши с сатаной смертный бой ведут».
И заплачу, и молюсь, даже гневаюсь:
«Ты зачем, Бог, допустил в сердце ненависть?
Допустил, не научив, как с ней справиться…»
Говорю как есть… Ему не понравится.
Пусть на мне повиснет грех за слова мои, –
Чем виновны старики, дети малые?
Это даже не война, это крошево.
Бьют свои же по своим – что хорошего?
Кое-кто стал прозревать, но не поздно ли? –
Знамя праведной борьбы вы не подняли.
У надгробий – аж рябит – жёлто-голубо,
Там спят ваши сыновья, ваши голуби.
Ради чьих-то барышей горе деется.
Пожалеть бы вас – да нет, не жалеется.

О России спою…

Пусть мой голос не громкий – о тебе я спою.
Все слова собрались и готовы к полёту.
Ты услышишь, Россия, эту песню мою
И простишь, если вдруг я не вытяну ноту.

От отцовского крова жизнь меня увела
На просторы твои, что дарованы Богом.
И меня ты радушно, с добротой приняла
Под покров своего пресвятого чертога.

Где бы путь мой ни вился, я с тобою навек,
Заменить для меня от рождения нечем
Золотистость колосьев, серебро быстрых рек,
И сердечность людей, и любовь к русской речи.

Всю народную мудрость ты в себя вобрала,
Из ладоней твоих пью её понемногу.
Ты со мною, Россия, рука об руку шла,
С ложных тропок меня выводя на дорогу.

С неба тихо струится на тебя благодать.
В росных травах блестят жемчуга на рассвете.
За меня ты готова в грозный час постоять,
Но и я за тебя в неизбывном ответе.

Ласточкин полёт

Лёгкая ласточка, может быть, чья-то душа,
В воздухе знак над моей головой начертала.
День, не спеша,
С ясного неба спускался – и таял, и таял…

Всё мне здесь дорого, в нашей великой стране,
Все проявления жизни я сердцем приемлю.
Счастье, что мне
Выбрал Господь при рождении русскую землю.

Нет мелочей для меня даже в самом простом,
Я признаю здесь обычаи все и устои.
Это мой дом –
В нём я обязана всё по уму обустроить.

Лёгкая ласточка, видно, задумала спать,
И, улетая, меня она благословила.
Завтра опять
Нам для трудов и восторгов нужна будет сила.

Вернувшийся с войны

Дайте дорогу этому парню!
Скромному парню – дайте дорогу!
Пусть неуклюже ставит он ногу,
Он к ней привыкнет – будет исправней.

Он с ней срастётся мыслью и телом
Так же отважно, как и сражался.
В латы нацизма враг обряжался,
И отсидеться не захотел он.

Вслед кто-то лаял из подворотни,
Кто-то сорвался – попросту «выбыл».
Он добровольно сделал свой выбор –

Встал за Россию, бесповоротно.

Нет, не сравниться трусу с героем,
В этом вопросе спорить негоже.
«Деточка, детка, дай тебе Боже…
Сам ты из стали, видимо, скроен».

Я поклонилась – он не заметил:
Я поклонилась только душою.
Пара шагов лишь, мимо прошёл – и
День для меня стал и грустен, и светел.

Гахов Александр Константинович – Родился в 1952 году в городе Обоянь Курской области. Окончил Тамбовское военное авиационно-техническое училище им. Ф.Э. Дзержинского. Член СПР. Член Международной ассоциации писателей и публицистов. Член-корреспондент Академии Поэзии. Прозаик и поэт. Автор пяти поэтических сборников и семи книг прозы. Живёт в г. Черняховск Калининградской области.

Встреча

Листопад ещё не отговорил. Тёплая пора затянулась, и выпавший снег для небольшого приморского городка стал неожиданностью. В перламутре привокзального неона фонарей, раздвигая своей белизной сумерки, он, казалось, пах сиренью.

– В природе всё, как и положено, – шагая к электричке, поданной к перрону, думала Ольга, – на дворе конец октября.

Но сейчас снег не радовал её. От перемешанной ногами чавкающей снежной каши тянуло пронизывающей сыростью. Она любила другую осень: осень с тихой нежностью ночных дождей, с запахом опавшей листвы, шуршащей под ногами, с неповторимой задумчивой мудростью рощ и полей, вызывающих тонкую щемящую грусть. На выходные Ольга приезжала к родителям и сейчас возвращалась в областной центр, в котором, оставшись работать после окончания университета, пыталась отыскать своё счастье.

В вагоне было несколько человек. Пройдя в середину, молодая женщина расположилась на свободном месте у окна. Глядя на перрон, Она загрустила. За окном, словно рыбки в аквариуме, медленно проплывали крупные снежинки, да в некотором отдалении от вокзала, в задумчивом оцепенении, припорошенными стогами стыли деревья с не опавшей листвой.

Пейзаж за окном навевал желание побыть одной. «Жажда одиночества приходит, как усталость», – усмехнувшись про себя, вспомнила она где-то читанное.

Зима своей холодной эгоистичностью привносила в её жизнь какую-то раздвоенность. С одной стороны время останавливалось, с другой стороны дни сыпались песком меж пальцев. В зимнее вечера усиливалось чувство ожидания жизненных перемен к чему-то новому, прекрасному.

Оглядываясь и вспоминая прожитое, пугалась оттого, что оно, сливаясь, забывалось так, словно не было этого времени в её жизни, или жизнь, не оставляя следов, проходила мимо. От раздумий её отвлекло собачье поскуливание с требовательным царапаньем тамбурной двери. Через мгновенье дверь раздвинулась и в проход вбежала крупная чёрно-подпалая овчарка в ошейнике с медными бляшками. Следом за собакой в вагон вошёл мужчина. На вид ему было около тридцати. Ольге он показался отрешённо-растерянным. Первым впечатлением о нем была мысль, что похож он на чуть мутную воду в цветочной вазе, которую нужно было сменить. На какое-то мгновение взгляды их встретились. Незнакомец вынырнул из марева своих мыслей и улыбнулся, засвидетельствовав меру своего земного бытия. Осмотревшись, он двинулся в её сторону.

«Мне только соседей не хватает, – недовольно подумала Ольга, деловито вынимая из сумочки недавно купленный смартфон, – сядет, начнет грузить проблемами, словно у меня своих мало». Считая себя человеком практичным, она не желала тратить время на пустые разговоры. Мужчина, видимо, по-своему истолковав её взгляд, вполне естественно, без всякой театральности сев напротив, позвал питомца: «Абрек, ко мне!» Пёс вернулся и присел у ног хозяина.

– Не надо бояться, – заметив настороженный взгляд Ольги, погладил он собаку по голове, – Порой люди бывают опасней.

– Не дрожи, потрепал он пса, – сейчас тронемся.

Электричка ушла в ночь точно по расписанию. Очертания пригородных строений, на мгновенье мертвенно ожив в свете редких ночных фонарей, отставая, растворялись в сгустившихся сумерках. В вагоне включили отопление. Тепло разлилось по телу истомой и мужчина, погрузившись в свои мысли, казалось, задремал. Собака, высунув язык и часто дыша, сидела рядом, готовая в любую минуту защитить хозяина. Причём весь вид пса означал, что он рядом с человеком, которого

преданно любит, считая его самым сильным среди двуногих. По всей видимости, и самого себя, пёс относил к существу особенному.

Наклонив голову, он внимательно разглядывал Ольгу. Почувствовав взгляд, она оторвалась от чтения и украдкой взглянула на него. Заметив это, пёс заёрзал и весело взвизгнул.

Хозяин очнулся и недовольный, что его отвлекли от внутреннего созерцания, взглянув на питомца, интригующе спросил:

– Хочешь познакомиться?

Ольге показалось, что собака, словно приглашая к диалогу, улыбнулась.

– Дай лапу, – разрешил хозяин.

Грациозно подняв переднюю правую лапу, пес замер, выжидающе глядя на женщину.

Отложив смартфон в сторону и чуть помедлив, она осторожно взяла её и, легко сжав, чуть покачала.
– Ольга.

– Абрек, – представил питомца мужчина.

– А почему у него такое странное имя? – отпуская лапу, поинтересовалась она.

– Абрек – лицо кавказской национальности, – потрепав собаку по холке, пошутил хозяин и мягко улыбнулся: а я Олег.

Как-то, заглянув в энциклопедический словарь, Ольга наткнулась на слово «Абрек». В разъяснении говорилось, что это кавказский горец, давший обет кровной мести или разбойник, выгнанный из своего рода.

– Несмотря на то, что он разбойник, проявляя эрудицию, улыбнулась она, у него хорошие манеры.

– Лучший учитель хороших манер – смерть, – холодно обронил Попутчик, и, взглянув на неё, вздохнул, – вот только воспользоваться полученными знаниями ученикам не всегда удается. Нам повезло.

Взгляд мужчины был недолгим, и всё же она успела разглядеть его глаза: страдающе-пустые, как у тоски. Такие глаза бывают у людей, которые много перенесли и повидали в жизни. Оголённая боль и беззащитность, казалось, навсегда поселились в них.

«До чего же ему сейчас должно быть плохо!» – невольно подумала она.

Ещё мгновение назад у неё не было особого желания говорить с незнакомцем, но фраза о смерти, спокойно произнесённая им, вызвала недоумение с налётом любопытства. Сидя рядом с хозяином и даже не глядя на него, а, взирая на мерцающую далёкими огоньками темноту за окном, пёс видимо тоже почувствовал состояние мужчины, поэтому, спрыгнув на пол, зашёл сбоку и положил передние лапы и голову на его колени. Вероятно, это означало, что он утешает хозяина и любую беду готов встретить вместе с ним. Свои чувства пёс пытался выразить и глазами, следящими за ним, и насторожившимися ушами, ловящими каждый шорох.

Глядя на идиллию собаки и человека, Ольга испытала противоречивое чувство: с одной стороны она

понимала, что перед ней сильный, неординарный человек, а с другой – хотелось его пожалеть. Только что-то подсказывало ей – жалость обидит. Мужчина примет только искренность.

«Он ко мне потянулся интуитивно», – подумала она, чисто по-женски поняв, что ему необходимо было выговориться. С чужим человеком в дороге разговаривать легче. Он выслушает тебя и, словно взяв твою нелёгкую ношу, уйдёт своей дорогой, а если когда случайно и встретится, то ты ничего не прочтёшь в его глазах.

– Олег, вы были на войне? – неуверенно спросила Ольга. – Там ведь страшно.

– Да не мёд, – поглядев на неё, согласился он и, задумавшись, на мгновение погрузился в недалёкое прошлое, такое неизведанное и непонятное для Алены, что ей за него стало боязно. Но мужчина, освобождаясь от тянущего ко дну груза, вернулся в реальность.

– Пожалуй, первое время за «ленточкой» страшно, вздохнул он. – Потом – просто опасная, тяжёлая работа, к которой привыкаешь. Становится обыденным, – заспешил он, боясь, что его прервут, – засыпать под грохот пулемёта и звон осыпающихся гильз. Привыкаешь к грязному от дронов небу, к концентратам, к промозглости блиндажей в раскисших от дождей бескрайних полях, к уходу из жизни друзей. От недосыпания и вселенской неустроенности просто устаёшь. Конечно знаешь, ведь просто живёшь здесь, где закон судьбы всегда и для всех один – свою пулю не слышишь.

– А как Вы туда попали? – поинтересовалась она.

– Попасть за «ленточку», – помолчав, убеждённо произнёс он, – обычное дело. Но у людей, добровольно собравшихся там, судьбы и дорожки разные. Один романтик. Другой решил что-то себе доказать. Третий чужую машину разбил или ипотеку взял, в долги влез. У кого-то с работой обломилось, в семье нелады пошли. В общем, в каждом домике свои гномики. Но когда видишь, что творили фашисты с местным населением, всё это уходит в сторону, внутри просыпается ярость и желание мстить. Ведь это могло произойти и с моими близкими.

Мужчина задумался. Некоторое время они сидели молча, глядя в завораживающую темноту за окном. – Вы замечали, Олег, как сгущается ночная тьма в нескольких километрах от города? – нарушив тишину, поинтересовалась Ольга.

– На фронте об этом особо некогда задумываться, – с лёгкой иронией произнёс попутчик.

– Да, – соглашаясь, кивнула она, – фронт требует больше героизма, чем созерцания.

– Когда я слышу про героизм, – не сдержавшись, недовольно проворчал мужчина, – мне становится грустно. Это лишнее подтверждение неустроенности нашей жизни. Ольга заинтересованно взглянула: – Да Вы философ, Олег. Обоснуйте.

– В сущности, – решился пояснить он, – героизм весьма прискорбное явление. Необходимость в героях и подвигах возникает лишь в критической ситуации, а таковые в большинстве своём происходят вследствие человеческой глупости или подлости. Почти все герои, которыми восхищается человечество – это герои войны. Что естественно, поскольку трудно представить ситуацию более критическую. И если в воюющей армии много героев, можно не сомневаться – командует ею недотёпа. Хороший генерал уважает стратегию. Ему герои не нужны. Потому, – неожиданно подытожил Олег, – меня невольно раздражает, что в нашей армии так много подвигов. То двести, то триста человек из плена возвращают, – поморщился он.

– Осуждаете? – вопрошающе глянула молодая женщина. – Ни в коем случае, – вздохнул Олег. –

Люди как люди – жить хотят. Чистая физиология, не более того. Несгибаемых людей нет, – помолчав, пояснил он, – но есть незримая грань. Потому и оставляют гранату, последний патрон или вызывают на себя огонь своей артиллерии те, кто в силу своего положения знает, о её существовании. Не самого плена боятся, а того, что может перешагнуть эту грань. Я тоже там на всякий случай гранату таскал. Олег грустно улыбнулся.

Рядом присела тишина. Пёс шевельнулся, привлекая внимание людей.

– Абрека я подобрал там, – машинально погладив пса по голове, с теплотой в голосе продолжил попутчик, – моё подразделение тогда зачищало от нациков большой посёлок. Из окон одного дома нас обстреляли. К «костлявой» я был ближе всех. Бросив в дом гранату, ворвались с напарником во двор, а он мне кричит: «Олег, небо!» Я глаза поднял, а на меня дрон камикадзе заходит. А я посреди двора, как на ладони. Всю жизнь мысленно процедил. Думал их писец подкрался. А тут откуда ни возьмись, здоровенная овчарка бросилась дрону на перерез. Вцепилась ему в крыло зубами. Заряд сдетонировал. Меня волной в сторону отшвырнуло и даже не поцарапало. Спасла она меня. Когда бой закончился, вернулся, а возле мёртвой собаки два щенка скулят. Жалко их стало. Одного я взял, другого «Николай, мой побратим. С тех пор я с Абреком не расстаюсь. Порой ловлю себя на том, что разговариваю с ним, как с равным. Не с каждым человеком так могу, даже – с родным. Сейчас еду от бабули, – с затаённой грустью вздохнул он, – пока за «ленточкой» был, здесь родители в автомобильной катастрофе погибли, а пустая квартира навевает дурные мысли. Думал – некоторое время поживу у неё, а старуха ни в какую: «Ты живи, а собаку, куда хочешь девай!» А его предать – что друга. Он мне там два раза жизнь спасал.

Мужчина ласково потрепал пса по холке. Посмотри, – показал он Ольге на питомца, – ни лицемерия, ни двуличия. Всё написано на морде: и любовь, и верность. Он лучше нас.

– Вам, наверное, нелегко привыкать к настоящей жизни? – помолчав, взглянула Ольга.

– Война приучает ничему не верить и никому не жаловаться, – невесело усмехнулся попутчик, – и, если даже ты тут, сознание ещё там. Олег на мгновение задумался.

– Помнится, – первый раз за всю поездку открыто улыбнулся он, – в большом городе стоим втроем на автобусной остановке. Народ толпится, галдёж вокруг, а мы в форме стоим спиной к дороге. За разговором не заметили, как подрулил автобус. Пронзительный звук его тормозов нам показался срабатыванием сигналки! Я присел, а приятели упали, и головы руками прикрыли.

Заметив недоумённый взгляд женщины, пояснил: «Рефлекс самосохранения сработал. Когда сигнальная мина подаёт голос, то этот участок начинают незамедлительно перепахивать из всего, что стреляет».

Помолчав какое-то время, мужчина вздохнул и произнес:

– Говорят, Время Героев. Мир заполняет тебя, а ты не знаешь, где притулиться и как начать жить. За «ленточкой» быстро становится ясно «ху из ху». А здесь... В его словах прозвучали боль души и горечь одиночества. – Приезжаю: «Здорово, ребята! Я вернулся», – да только и знакомые не сразу узнают, а при официальном знакомстве не понимаешь ни выражения глаз, ни голоса. Тебя изучают, взвешивают, оценивают, и, кажется, чего-то недоговаривают. Начинаешь думать, что ты уже нездешний, потому что плохо знаешь, что тут происходит, по каким правилам раздают и играют. Там другие отношения между людьми. Здесь твои родные и друзья, жизнь кипит со своими встречами, заботами, планами - она как бы и моя тоже, но в то же время здесь многое чуждо, тяжело и непонятно. Я был здешним, но уже не здешний, словно дышу другим воздухом. Там мы сильные, – грустно усмехнулся Олег, – сам чёрт нам не брат! А в этой суетности растерялись. Некоторые мои

боевые приятели «присели на стакан», а я вот мучаюсь, пытаясь войти в реку жизни дважды. Он говорил долго, с той неторопливой задумчивостью, которая позволяет человеку, заглянув в себя, увидеть всё, что лежит на дне сердца, тревожа душу былым и настоящим. В какой-то момент он проницательно взглянул на Ольгу и неожиданно спросил:

– А почему Вы одна? Ведь одной по жизни идти трудно.

– А почему Вы думаете, что я одна? – смутившись, возразила Ольга.

– Такая красивая и без охраны, – на грани шутки и серьёзности, в которой допускал возможность и того и другого, – ответил Олег.

От неожиданно наступившей тишины, чутко дремавший пёс, открыл глаза и, не поднимая головы, внимательно и, казалось, удивлённо поглядел на хозяина. Он, видимо, давно не слышал, чтобы тот так долго с кем-то разговаривал. Взгляд мужчины прояснился, в нём растаяла пелена неуверенности и боли.

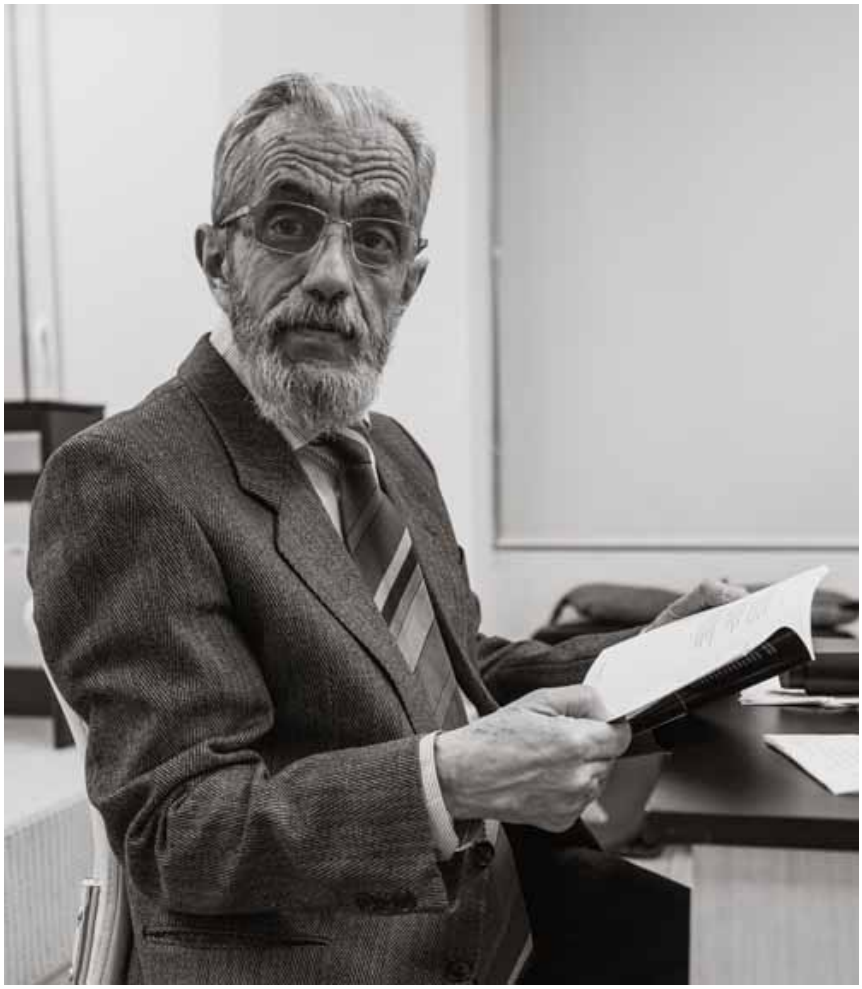
– Ну что, отогрелся? – положил он свою руку на голову пса и улыбнулся. За окном, освещая белый покров земли, всплыли огни большого города. Набежал Северный вокзал и электричка, замедлив ход, остановилась.

Пассажиры зашевелились, двинулись к выходу.

– Вот и приехали, – вставая, выдохнула Ольга. и вдруг, заговорила быстро, словно боясь, что он уйдёт. – Олег, спасибо Вам за откровение. Верю, всё будет хорошо...

Выйдя из вагона, они улыбнулись первому снегу, спешащим пассажирам, пристраиваясь к которым, поднялись на привокзальную площадь. Не сговариваясь они и дальше пошли вместе. Спешащие прохожие не обращали внимания на странную пару, словно находящихся в ином измерении. И лишь седой мир задумчиво взирал на мужчину и женщину с семенящей рядом большой собакой, словно плывущих в сиреневом мороке ночного неона.

Жданов Александр Борисович – родился в 1956 году в Баку. Окончил филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, ОМЦ Министерства культуры Калининградской области – «Искусствовед». Публиковался во многих известных литературных журналах и альманахах России. Автор трех поэтических сборников и восьми книг прозы. Неоднократный победитель Международных литературных конкурсов и фестивалей. Живёт в г. Советск Калининградской области.

Ферзевый гамбит

1

Лейтенант Павел Тарусов, а теперь заключённый концентрационного лагеря, с досадой замечал, что ему с каждым днём всё больше нравится молодой эсэсовский капитан Отто фон Клюге. Гауптштурмфюрер, по принятой в СС классификации. Лейтенант был благодарен гауптштурмфюреру уже за то, что тот спас его от Фрица Зайбеля.

Еще не научившись толком разбираться в эсэсовских кубиках и нашивках, Тарусов понял: Зайбель – что-то вроде ротного старшины. Тот и вёл себя, как старшина, упивающийся властью. Кем был он в мирное время? Помогал отцу в его лавочке. И помогал бы до самой смерти отца, а потом стал бы хозяином, и уже ему помогал бы его, Фрица, сын. Но сына у Фрица не было, он даже жениться не успел, да и торчать всю жизнь в лавочке он не хотел и поэтому понял, что война – это его шанс. Фриц очень хорошо чувствовал себя в военной форме, в чёрной форме СС. Он, Фриц Зайбель, сын лавочника, сейчас – гауптштафюрер, а это предел, которого может достичь унтер-офицер.

У Фрица была маленькая слабость: он любил арифметику. И эта любовь проявлялась странным образом. Фриц не столько сам решал задачки и примеры, сколько подсовывал их заключённым. Простейшие задачки и примеры, на уровне второго-третьего класса. Заключённые решали – и Фриц

приходил в восторг. Он чувствовал себя учителем, которому удалось вдолбить что-то в пустые головы варваров. А к Тарусову Фриц Зайбель привязался особенно, поскольку тот решал задачки быстрее других. Фриц даже стал покровительственно называть лейтенанта «mein Schüller»[1]. Каждый раз задание становилось сложнее, и Фриц мог гордиться своим учеником. Однако гордость гордостью, но следовало указать этому зазнавшемуся русскому его место, и однажды Зайбель подготовил особенно сложный пример, в котором фигурировал «икс».

Заложив руки за спину, гауптштафюрер медленно подошёл к работавшим заключённым. В руках Зайбеля – тонкая трость. Гауптштафюрер любил щеголять ею, хотя на самом деле это была не трость, а металлический прут, к которому Зайбель приделал деревянный набалдашник. В случае чего трость превращалась в орудие наказания – Фриц бил тростью наотмашь провинившихся заключенных. Он уже предвкушал, как всё произойдёт, как он протянет русскому листок бумаги и огрызок карандаша, как русский углубится в решение, будет долго сопеть, но вернёт Фрицу листок без решения. Как тогда расхохочется Фриц, не Фриц, нет – гауптштафюрер Зайбель! Расхохочется и покажет русскому, как всё на самом деле просто.

Зайбель подошёл к заключённым.

– Du, Russe! – отрывисто выкрикнул он, указывая тростью на Тарусова. – Komm zu mir![2]

Тарусов подошёл, отирая руки о робу. Зайбель молча протянул ему листок с примером и хитро подмигнул. Взяв листок, Тарусов пристроился к сложенным кирпичам и принялся писать. Зайбель и не ожидал, что русский справится так быстро. Тарусов протянул ему исписанный листок. Зайбель с недоверием заглянул, и вдруг его лицо перекосила злая гримаса. Он весь побагровел – и на Тарусова обрушился удар трости. Зайбель бил по лицу, по плечам, по голове, выкрикивая иступлённо:

– Du bist russisch Dummkopf! Dummkopf! Dummkopf![3]

За этим и застал его гауптштурмфюрер фон Клюге.

– Was ist das, Fritz?[4] – спросил он, впрочем, нисколько не удивившись.

– Diese russisch,..[5] – Зайбель протянул ему исписанный листок.

– Was ist das? Oh! Hat er das geschrieben? Das ist sehr interessant. Ich nehme es. Und du bringst den Russen zu mir.[6]

– Jawohl![7] – выпалил Фриц, тупо и преданно тараща глаза.

Гауптштурмфюрер медленно пошёл прочь, потом обернулся:

– Du dienst dem Reich gut, Fritz.[8]

Тот вытянулся, старательно подтягивая живот, и щёлкнул каблуками. И уже скоро вталкивал заключённого в кабинет гауптштурмфюрера. В самых дверях Зайбель толкнул его особенно усердно, так, что лейтенант вбежал в кабинет, быстро перебирая ногами, чтобы сохранить равновесие и не упасть. Щёку лейтенанта пересекала косая багровая полоса от прута Зайбеля.

Гауптштурмфюрер отпустил Фрица, вышел из-за стола и вплотную приблизился к заключённому. Некоторое время они пристально смотрели в глаза друг другу.

– Что это? – ткнул Клюге в лицо Павлу листок бумаги. Гауптштурмфюрер говорил по-русски. И

очень хорошо. Скосив взгляд, Павел заглянул в листок и ответил:

– Формулы какие-то. Не знаю…

– Только не надо врать! Это же вы писали! Кто вы? Почему скрыли своё звание?! Хотя понятно: расстрела испугались.

– Я не скрыл. Я боец Красной…

– Бросьте! Не хотите ли вы сказать, что каждый рядовой в вашей армии знает высшую математику?! Так кто вы – лейтенант? Капитан?

– Лейтенант. А до войны учился в аспирантуре Ленинградского университета.

– Могли бы хорошим учёным стать, если бы не мы, так? Но вы же подлежали бронированию. Почему не воспользовались? Не уехали в эвакуацию? Впрочем, я знаю: хотели воевать «до достижения полной победы над врагом»? Только побеждаем мы и скоро победим окончательно. Фюрер ведёт нас к этой победе!

Тарусов усмехнулся.

– Напрасно вы усмехаетесь. И зря вы это написали, зря показали Фрицу. Толстяк вам этого не простит. Он ведь был уверен, что просвещает недочеловеков, а тут вы со своими интегралами. Вы же показали Фрицу, что он дерьмо. И теперь он сгноит вас на самых тяжёлых работах. Но не переживайте. Я заберу вас от него и пристрою. Вы в шахматы играете?

– Играю.

– Вот и замечательно. Мы с вами разыграем партию.

Фон Клюге достал из сейфа коробку, бережно вынул из неё фигуры и так же бережно стал расставлять на доске. Тарусов невольно залюбовался – это были прекрасные шахматы ручной работы, выточенные из дерева разных пород, и чёрные были скорее тёмно-коричневыми. Клюге перехватил взгляд Тарусова:

– Вам понравилось? Мне они тоже нравятся. Это подарок отца, барона фон Клюге, мне на шестнадцатилетие.

Тарусов перевёл взгляд с доски на свои руки – грязные, заскорузлые от ежедневной тяжёлой работы. Клюге перехватил и этот взгляд.

– Понимаю. Не можете позволить себе прикасаться к ним грязными руками? – сказал он. – Что ж. Вон умывальник, там мыло. Пожалуйста.

Тарусов мыл руки, долго и тщательно оттирая въевшуюся грязь, вымыл и лицо. Пожалуй, впервые за всё время заключения он мог позволить себе такую роскошь. Умывшись, он попытался пригладить влажными руками волосы. Потом насухо вытерся полотенцем и только после этого сел перед доской.

– Ну, что ж, начнём. На первый раз я белыми – не возражаете? – фон Клюге переставил пешку на d4.

Тарусов вполне предсказуемо ответил пешкой на d5. Но после тоже предсказуемого хода Клюге на c4 Тарусов брать белую пешку не стал.

– Не принимаете жертву? Ладно. Интереснее будет, – фон Клюге всё больше увлекался игрой.

Увлёкся и Тарусов. Он на время забыл о своём положении, о лагере – перед ним была доска, поле сражения, и лейтенант думал, как ослабить мощный напор фон Клюге в центре и как сделать свои фланги мобильнее. С математической точностью просчитывал лейтенант свою игру.

– Мне нравится ваша тактика, лейтенант, – голос гауптштурмфюрера звучал, словно из-за завесы. – Вы трезвый, даже, сказал бы, хладнокровный игрок. Вдохновение не уводит вас в сторону.

Тарусов не отвечал, обдумывая ход. К середине партии он заметно устал, сказались и тяжёлые условия жизни, и долгое отсутствие практики игры. И вдруг Клюге спросил:

– Послушайте, лейтенант, а что если на кону стояла бы ваша жизнь, как бы вы играли тогда? Как бы играли вы, если бы от результата зависело жить вам или умереть? Так же хладнокровно и расчетливо?

Павел не ответил и поднял взгляд на гауптшурмфюрера – тот смотрел совершенно непроницаемо. Ни сочувствия, ни заинтересованности, ни усмешки, ни злорадства не было на его лице. Так смотрит на человека объектив фотоаппарата.

Они обменялись ещё несколькими ходами, и фон Клюге встал, протягивая Тарусову руку. Тарусов опешил:

– Вы же могли выиграть! Почему свели к ничьей?

– Считайте, для того, чтобы расстаться без взаимной вражды и чтобы был повод продолжить. Сегодня вы свободны от работы, а позже я подумаю, как с вами поступить.

2

Отто фон Клюге слово сдержал и освободил Тарусова от самых тяжёлых работ. Лейтенанта даже перевели в тот разряд заключённых, которые числились в обслуге, но на деле выполняли самую грязную работу, как, например, чистка печей. К таким остальные заключённые относились с настороженностью, а то и презрением, впрочем, кто-то и завидовал.

Переводу Тарусов безропотно подчинился, хотя, наверное, мог бы отказаться и остаться под началом Зайбеля. Это, пожалуй, и пугало. И теперь приходилось ему терпеть и угрызения собственной совести, и презрительные взгляды бывших товарищей. А гауптштурмфюрер, словно. Подогревая такое отношение к Тарусову, часто освобождал его от работ вообще. Они играли в шахматы, беседовали. Разговоры были в основном о математике, шахматах, литературе. Изредка, как бы вскользь, фон Клюге переводил разговор на темы военные, Тарусов напрягался, ожидая каждый раз подвоха, отвечал односложно. Гауптштурмфюрер спокойно возвращался к литературе и шахматам. После таких бесед Тарусов ещё больше корил себя и при последующих встречах с гауптштурмфюрером даже пытался дерзить.

– Зачем вы помогаете мне? – спросил он однажды. – Вы филантроп?

– Филантроп? Да что вы?! Я, как обо мне говорят заключённые, машина.

– Тогда для чего вам я?

– Мне здесь скучно. Сидеть за столом с Фрицем и ему подобными? Накачивать себя пивом и слушать рассказы, как эти доблестные вояки опрокидывали на сено деревенских простушек? Увольте. Да и не пива мне хочется, а, к примеру, аи.

Я послал тебе чёрную розу в бокале

Золотого, как небо, аи.

Знаете эти стихи? Зря. Это Блок. Замечательный русский поэт… Словом, мне нужен человек для интересных бесед.

– Вы хорошо говорите по-русски. Откуда?

– Моим гувернёром был русский граф. Как распоряжается история?! Когда-то европейцы были гувернёрами у русских, а теперь вот… Позже не без его влияния я изучал русскую литературу.

– Русскую литературу?

– Да. Причём не Толстого и Чехова, а более русского писателя. Он, может, более русский, чем даже Достоевский. Я говорю о Лескове.

Этими разговорами фон Клюге ставил Тарусова в тупик. Лейтенант не мог понять, как человек такой образованности, с таким отношением к русской культуре может убеждённо воевать против русских, служить в СС. Об этом он спросил его однажды:

– Скажите, капитан, как можете вы, любя русскую литературу, воевать против нас?

– Русская литература мне интересна. А любовь?.. Разве биолог, изучающий каких-то микробов, любит их?

Ответ гауптштурмфюрера оставил неприятный осадок, но Тарусов постарался дальше не размышлять об этом. Постепенно он стал привыкать к своему положению, порой ловил себя на том, что не считает свою службу чем-то позорным и успокаивал себя тем, что кому-то надо делать и такую работу. Даже внешне он изменился: исчезли впалость щёк и тёмные круги под глазами.

Хорошим апрельским днём фон Клюге появился в приподнятом настроении.

– Сегодня день рождения фюрера, и у меня неплохое настроение, – сказал он, – и мне хочется сделать что-нибудь доброе. Видите этих пятерых заключённых? Их ждёт газовая камера. Не хотите ли их спасти? За каждую жизнь – по шахматной партии. Выиграете – заключённый останется жив, проиграете – пойдёт в камеру. Вы будете играть один, ваши соперники каждый раз будут меняться – я нашёл здесь неплохих шахматистов. Ну как, согласны? Покажите на деле, что готовы спасти своих соотечественников.

…Первые три партии закончились быстро. Приведённые гауптштурмфюрером игроки с необъяснимым упорством играли один за другим простые, словно заученные партии, и с ними Тарусов справился легко. Три жизни были спасены. Оставались ещё двое: мать с ребенком – мальчишкой лет пяти. Не без труда Тарусову удалось отыграть и женщину. Мальчик стоял, сильно

сжимая пальчики и переводя растерянный взгляд то на мать, то на Тарусова, то на гауптштурмфюрера. Женщина бросилась к ногам фон Клюге, стала умолять, чтобы оставили в живых сына, пусть этот выигрыш будет засчитан ему, а она готова ещё раз испытать судьбу. Гауптштурмфюрер подал знак – женщину оттащили.

– Нет, за мальчишку надо играть отдельно. И со мной.

Партия длилась долго, и проигрыш сильно озадачил гауптштурмфюрера. Несколько раз он прошёл взад и вперёд мимо стола, а затем, сумев улыбнуться, сказал:

– А теперь мы будем играть снова. На этот раз за всех вместе. Я ведь имею право на реванш? Если вы выиграете, то останутся жить все они, если проиграете, все пойдут в газовую камеру. И вы в их числе. Принимаете условия? Но вы можете отказаться. Для вас ничего не изменится. Мы по-прежнему будем играть в шахматы, беседовать о литературе.

– А для них? – Тарусов показал головой на тех, кого, как он думал, только что спас.

– А что они? Это же расходный материал. На войне как на войне.

– Я буду играть.

– Послушайте, лейтенант, это безумие! Вы же провели пять партий, устали. Вы проиграете, а жизнь у вас одна.

– Я буду играть.

– Ладно, вы сами сделали этот выбор. Помнится, наша первая партия была сведена к ничьей. Вот и вернёмся к ней. Я очень люблю ферзевый гамбит.

Гауптштурмфюрер был предельно учтив, улыбался. Но Тарусов знал, что скрывалось за этой учтивостью и улыбкой. Учтивость означала, что гауптштурмфюрер крайне раздражён и недоволен. А в такие минуты он был способен на самые неожиданные поступки. Раздражительность его мобилизовала, и следовало ждать необычных решений. Тарусов не мог позволить себе увлечься. Только трезвый расчёт. «Вы трезвый, даже хладнокровный игрок», – сказал тогда фон Клюге. Вот трезвым и хладнокровным надо оставаться.

На шестом ходу фон Клюге подался-таки искушению и взял пешку, хотя, на взгляд Тарусова, ему следовало бы сыграть конём. Взяв пешку, белые не завершили развитие и теперь теряли, как минимум, фигуру. Не зацепиться за эту оплошность гауптштурмфюрера Тарусов не мог, но и расслабиться было нельзя. Тарусов знал: фон Клюге мог просто заманивать соперника. Поэтому он искренне удивился, когда гауптштурмфюрер вынужденно отступил ферзём. «Э-э, да вы нервничаете, господин гауптштурмфюрер», – подумал он. Теперь каждый дальнейший ход он сейчас обдумывал особенно тщательно. Гауптштурмфюрер заметно успокоился и даже стал барабанить пальцами по столу, словно подгонял Тарусова. «Вы трезвый, даже хладнокровный игрок» – Тарусов окинул доску взглядом. Рука сама потянулась к слону:

Тарусов откинулся на спинку стула и опустил руки. Он не помнил, как ушёл проигравший фон Клюге вместе с другими офицерами, как оставшихся в живых заключённых и его с ними Зайбель загнал в барак. В бараке Тарусов рухнул на нары и проспал до утра. Его не разбудили даже побои Зайбеля.

Всё оставшееся время заключения Тарусов провёл под началом и издевательствами Зайбеля.

Гауптштурмфюрер Отто фон Клюге больше не интересовался заключённым Тарусовым да и сам уже воевал на Восточном фронте.

* * *

Освобождение заключённых концлагеря советскими войсками было столь быстрым, что немцы бежали, побросав всё. И так же быстро, в первый же вечер, заключенного Тарусова вызвали на допрос. Кто-то успел сообщить прибывшим особистам, мол, лейтенант Тарусов, служил в презираемой обслуге, был накоротке с гауптштурмфюрером, проводил с ним время за шахматами и беседами. Донос подтвердился и записями, оставшимися от бежавших. В ученической тетрадке корявым почерком с массой ошибок фиксировались все встречи гауптштурмфюрера с русским заключённым: кто-то готовил досье и на Отто фон Клюге. Но записи теперь использовались против Тарусова. Из одного лагеря он сразу попал в другой – уже на Родине.

Лейтенант ждал расстрела, но всё обошлось. Он так и не узнал, что оставшиеся в живых спасённые им заключённые – обессиленные и измождённые – вступились за него, рассказали о страшном шахматном матче.

После освобождения в науку вернуться Павлу Алексеевичу тоже не дали, и он был рад уже тому, что позволили преподавать математику в школе.

Шахмат в его доме не было

[1] *Мой ученик (нем.)*
[2] *Ты, русский… Ко мне! (нем.)*
[3] *Ты русский дурак! Дурак! Дурак! (нем.)*
[4] *В чём дело, Фриц? (нем.)*
[5] *Этот русский…(нем.)*
[6] *Что это? Это написал он? Очень интересно. Я заберу это. А ты приведи русского ко мне (нем.)*
[7] *Есть! (нем.)*
[8] *Ты хорошо служишь Рейху, Фриц (нем.)*

Гошев Сергей Аркадьевич – родился в 1957 году в городе Котлас. Окончил два военных училища. Уйдя в отставку, работал учителем в школе. Детский писатель, прозаик, публицист. Член СПР. Живёт в городе Советск Калининградской области.

Свинцовый хлеб

Отрывок из повести

…Она пришла. Пришла только с Томкой, без Мани, летом 1944 года. Это запомнилось мне на всю жизнь. Много позже я увидел картину художника Василия Верещагина «Апофеоз войны». Эта картина и седая женщина с худой девочкой у меня соединились в единое целое: война, смерть, безумие.

…Яркое утреннее солнце ещё не грело, но сонные глаза слепило. Наперебой щебетали птицы, утренняя прохлада принесла свежесть. Дед замер в нерешительности. Мы протёрли глаза, проследили за его взглядом и сами опешили. Посередине двора стояла какая-то седая старушка с худенькой девочкой. Одежда, больше похожая на лохмотья, висела на них, как на огородном пугале. Она смотрела на остатки сгоревшей хаты безумным взглядом и молчала. А девочка разглядывала свои босые ноги. Кто такие? Почему здесь? Вдруг старушка перевела взгляд на нас и, еле шевеля губами, сказала:

– Коля, сынок!

Я стал всматриваться в лицо, узнавая родные мамины глаза. Перед нами стояла совершенно седая женщина. Радость, ужас, страх – всё перемешалось в голове и теле. Мне вдруг стало холодно, мурашки пробежали по коже, потом жарко. «Не может быть! Как же так?! Она?!» – стучало в

висках, заставляя поверить своим глазам.

– Мама! Мамка! – кинулся я вперёд, обнимая её невесомое тело.

Девочка подняла голову. Это была Томка. У неё не было сил на эмоции. Она смотрела на нас и тихонько повторяла:

– Дайте хлеба. Хочу хлеба.

Когда мама и Томка поели и уснули, Иван Иванович нам строго-настрого приказал несколько дней контролировать их в еде. Они долго голодали, много им есть нельзя, а то помрут. Расспрашивать их о чём-либо тоже запретил.

– Пусть сперва окрепнут душой и телом, – наставлял нас дед.

Женщины, узнав о возвращении тётки Варвары, поделились своими невесть какими нарядами. Мама стала понемногу приходить в себя. Она всегда была худой, но сейчас, как говорил дед, в гроб краше кладут. Потихоньку исчез отрешённый взгляд в пустоту, потом исчез взгляд в себя – заискрились глаза, ожили. Мама и Томка набирали силы, жизнь возвращалась. Мы радовались этим переменам. Вскоре настал тот час, когда мама готова была рассказать всё, что с ними произошло за это время.

Мы весь день работали на заготовке брёвен для новой хатёнки, пережить ещё одну зиму в нашем погребе было невозможно. Во-первых, нас прибавилось, а во-вторых, мы чувствовали себя как в могильном склепе, хотелось просыпаться утром не под землёй. С брёвнами управились к обеду, в уцелевшей печи сварили уху, из отрубей сделали балабки. Дружно расселись под открытым небом за дощатым столом во дворе. Дед Сивка поставил на стол самогон, принесённый откуда-то, и две чарки. Налил себе и маме. Встал, чинно огладил бороду ладонью и сказал:

– За Победу и возвращение всех домой! – Он залпом выпил, крякнул, занюхал балабкой, сел.

Мы дружно деревянными ложками начали черпать из чугуна наваристую уху. Быстро справились с обедом, убрали чугун, поставили самовар. Он пыхтел, разнося по двору запах еловой смолы и травяного чая. Мама улыбнулась и сказала:

– Какое счастье – просыпаться утром, видеть солнце, умываться росой, ветру подставлять лицо… Какое счастье – жить. – Слезинка упала на стол. – Слёзы текут сами, как вспомню, что мы с девчатами пережили. – Она рукой накрыла слезу на столе.

– Ты, Варвара, расскажи. Может, и полегчает. Не ховай в себе. – Дед Сивка разлил по алюминиевым кружкам, которые нам подарили батарейцы, кипяток. Из котелка добавил в каждую «чай», заваренную траву: мяту, чабрец, листья малины, земляники и черники.

– Мы с девчатами торопились подальше уйти от села. Догнали других беженцев. Не успели в лес свернуть… – Горечь сожаления прозвучала в мамином голосе. – Слышим шум мотора, оглянулись – два грузовика догоняют нас. – Мама замолчала. Мы не торопили, смотрели на неё и ждали. Она заморгала глазами, потрясла головой, будто освобождалась от каких-то видений. Вздохнула и продолжила: – Бросились врассыпную, а вслед нам – выстрелы, ну и остановились. Из машины спрыгнули два немца, тыча в нас оружием, приказали залезать в кузов. Привезли нас на железку. Мы выгрузились. Нас загнали в какой-то хлев, огороженный колючей проволокой. По обе стороны от ворот стояли здоровенные полицаи в серо-зелёной форме. Я таких раньше и не видела. Нашивки у них на рукавах разноцветные. Это были не немцы. Между собой они разговаривали на каком-то

квакающем языке, а на нас орали и матюкались по-русски. Грузовики всё привозили и привозили людей. Эти верзилы, нагло ощупывая, пропускали людей в хлев по одному. Если у кого был узелок, его отбирали и швыряли в кучу вещей у сарая. Совсем маленьких деток вырывали у матерей и бросали в яму с водой. До сих пор стоит в ушах крик детей и вой матерей… У одной несчастной полицаям не удалось вырвать грудничка. Так белобрысый проткнул её и дитёнка штыком. Она вскрикнула, упав на землю, скрутилась калачиком вокруг малыша. Их так и спихнули в яму: мать с дитём в руках…

Мама была не с нами. Она там – в аду.

– Мы просидели в сарае дня три. На четвёртые сутки, ночью, нас погнали к товарняку. В теплушку натолкали столько людей, что даже дышать было трудно. Двери забили снаружи досками, и повезли незнамо куда. Люди говорили, что везут нас на погибель. Вонь, невыносимая духота, жажда. Некоторые, и потеряв сознание, стояли, потому что упасть было некуда. В нашем вагоне-теплушке несколько малышей, не выдержав спёртого воздуха, задохнулись. Какой-то мужик без умолку колотил по стене. Этот стук просто сводил с ума. Но вдруг повеяло свежим воздухом. Монотонные удары прекратились. «Не боись, бабоньки, ещё поживём. Дышите», – сказал кто-то. Томка и Маня стали глотать воздух, как рыбы. Народ немного ожил. Какая это радость – возможность дышать свежим воздухом. На одной станции нас выпустили минут на десять. После сильного дождя вдоль путей стояли большие грязные лужи. Вода в них была мутная, вонючая, но мы были рады и такой. «Слава Богу, хоть горло промочим!» – говорили люди. И лужи исчезали на глазах. Мужиков заставили очистить вагоны от трупов, раздался свисток, нас штыками снова загнали в вагоны. Опять забили двери, и поехали мы дальше. Стало просторнее. Можно было и сесть, и лечь. Через сутки поезд остановился в какой-то болотистой местности. Выгнали нас из вагонов и погнали как скотину. Дорога была, будто каша, скользкая. Вдоль дороги валялись разные вещи: игрушки, посуда, очки… Даже через трупы приходилось перешагивать. Видно, до нас здесь уже прогнали таких же несчастных. Если кто-нибудь выбивался из сил и останавливался, фашисты натравливали конвойных собак. Они у всех на глазах загрызали беспомощного человека. К ночи пришли в сожжённую деревню. Она со всех сторон была обнесена колючей проволокой. По углам стояли вышки, на них – часовые. Измученные люди валились на землю и тут же засыпали. Ночью от сырости, голода и холода стонали, корчились, плакали. А днём происходили в нашем людском загоне страшные картины. Охрана выбирала молодок для своих утех и силком вытаскивала их за ворота. Больше они не возвращались. Одну молодицу немцы тащили за косы, а малец уцепился в мамкино платье и вместе с ней оказался за воротами. Он кричал. Немец со злостью так пнул его, что было слышно, как хрустнули детские косточки.

Слёзы катились градом из маминых глаз. У неё перехватило горло. Она замолчала. Потом вздохнула, вытерла слёзы уголком головного платка и вдруг совершенно спокойно, чётко сказала:

– Я должна это рассказать. Чтобы помнили, чтобы никогда такого не повторилось. Слышите, хлопцы, никогда не пускайте на нашу землю этих извергов! Никогда! – Она смотрела на нас, всё перемешалось в её глазах: боль, горе, мольба, мужество. Слёз больше не было, а в голосе появился металл. – Другой фриц покрошил на тельце малыша хлебные крошки и отошёл. Налетели вороны и, склевав хлеб, принялись за дитёнка. Фашист стоял и с ухмылкой наблюдал, как они выклевали глаза, вскрыли живот. Хлопчик был ещё живой, он пытался противиться, из последних сил махал руками, но уже не кричал… На следующее утро Тамарка сказала, что у меня волосы стали белыми. За ночь я посивела. Нас погнали дальше. Мы брели неизвестно куда. Многие шли босиком или в одном ботинке. Кто падал, того добивали автоматчики. Они шли в конце колонны, покрикивали на нас, подгоняли, угрожая оружием. Мы уже потеряли счёт времени, когда за лесом появился большой лагерь. Окружён был кирпичным забором, по верху забора протянуты провода, как на электрических столбах. Прошли через ворота на большую площадь, немцы называли её плац. От нашей колонны отделили мужчин и увели в сторону длинных деревянных бараков, а мы остались.

Справа от нас под охраной собак стояли мужики в полосатых робах. В центре лагеря выделялось большое кирпичное здание, похожее на фабрику, с двумя высокими трубами. Из труб вырывались клубы серого дыма вперемешку с искрами. Стоял смрад, и едко пахло гарью. Все сразу догадались, что попали в лагерь, где сжигают людей. Там я впервые услышала слово крематорий. Тут из одной трубы вырвалось пламя, Маня закрыла лицо ладошками и крикнула: «Мамочки, пожар!». Люди будто очнулись, зашумели. Начали говорить, что нас скоро сожгут. Девчонки смотрели на меня обезумевшими глазами. «Сожгут, и больше никогда никого не будет?» – спрашивали они. Даже не помню, что я им отвечала. Нас погнали к печам смерти, разговаривать запретили. Сам крематорий был окружён ещё колючей проволокой. Мы стояли у колючки и три часа наблюдали, как в крематорий заводят группами людей: женщин, детей, мужчин. Когда из труб вырывалось пламя и дым, а по округе разносился едкий вонючий смрад, мы понимали – людей уже нет, это всё, что от них осталось. Стояли и смотрели в небо, прощались с жизнью. Очередное пламя вылетело из трубы, лёгкий ветерок подхватил и понёс, понёс по небу чьи-то души, мечты, любовь и саму жизнь… Эта страшная картина не даёт мне покоя до сих пор. За что? За что нам всё это?..

Мама подняла глаза к небу, её губы шевелились, она молилась. Вздохнула, посмотрела на нас и продолжила:

– К нам подошёл какой-то мужик в полувоенной одежде и спросил по-русски: «Вы кто? Русские?». – «И русские, и белорусские, и татарские…» – заговорили люди. Он усмехнулся, видно, не поверил, и ядовито добавил: «Надо говорить правду. Немецкий порядок не любит брехню». – «Русские, русские…» – кричали ему вслед, но он не стал слушать нас, ушёл. Вместо него подошли две тётки в эсэсовской форме и погнали нас за колючку, а там – в кирпичное здание. Приказали раздеваться. Люди не хотели, медлили. Толстая эсэсовка громко повторила приказ и положила пухлую руку на кобуру. С плачем, с проклятиями мы стали снимать одежду. Тех, кто медлил, немки били палками. Многие не верили, что это конец, и, связав одежду в узелок, клали её у стены, где пол был чище. А вдруг ещё пригодится… Голых, нас построили в колонну по одному и приказали идти дальше, в другое помещение. В нём не было окон, только под потолком горели две тусклые лампочки. Большими скрипучими ножницами стали обрезать нам волосы и бросать в кучу. Таких куч там было четыре. Потом была следующая комната, где тётки в чёрных халатах кистями-мётлами мазали нам головы какой-то вонючей жидкостью. Уже ничего не говоря, не сопротивляясь, как привидения мы двинулись дальше. Здесь стояло большое корыто, заполненное жижей. Каждый должен был намазать ею ноги до колен. И вот последняя комната. Малюсенькая лампочка торчала из стены. Бетонный пол скользил под ногами, устоять было трудно. Видно, здесь побывало много таких же несчастных. Мы зашли одними из первых. Взяв за руки своих девочек, я встала у дальней стенки, показалось, что там меньше слизи, там как-то надёжнее: сзади стена. Крепко сжали руки, прижались друг к другу и закрыли глаза. Комнату битком набили людьми и с грохотом закрыли металлическую дверь. Поднялся такой вой! Люди прощались с жизнью. «Скорее бы конец», – подумала я и почувствовала, как пол под нами задвигался и стал наклоняться в противоположную от нас сторону. Люди, стоявшие там, с краю, с криками стали падать вниз. Пол наклонился ещё, стало жарко, внизу пылал огонь. Это была печь крематория. Мы с девочками стояли, но всё же скользили по полу, приближаясь к адскому пеклу. Маня не удержалась и упала на колени. Я тянула её за руку, а пожирающий огонь был всё ближе и ближе. Люди махали руками, ища спасения. Какая-то женщина рядом с нами скользнула на пол и ухватилась за ножку Мани. Они мгновенно оказались у края и полетели в печь. Всё произошло молниеносно. Я рванулась вперёд: «Надо помочь дитёнку. Она там одна, ей страшно…» В этот момент произошло чудо, которого никто не ожидал. Пол вздрогнул и стал подниматься. Люди замерли, потом стали помогать тем, кто мог свалиться в огонь: хватать за руки, тянуть на себя, держать. Когда пол выровнялся, открылась железная дверь, и нас выпустили. Кто ошалело крутил головой, кто крестился, кто кричал, кто всхлипывал… В помещение вошли два немца, один из них подходил к нам перед тем, как нас погнали в крематорий и спрашивал русские мы или нет. Немцы стали громко разговаривать между собой, будто лаялись. Из разговора поняла, что нас приняли за евреев. Потом цыкнули на нас, построили и погнали по узкому коридору, где

сверху из леек полилась холодная вода. На ходу успели смыть с себя слизь и даже смочить несколькими глотками пересохшее горло. Голыми вывели из ада и оставили стоять на плацу, где до этого стояли мужики в полосатых робах. Тот, что говорил по-русски, приказал ждать, пока не привезут одежду. Может, через час, а может, через два, привезли в тачке кучу женской одежды. Видимо, осталась от сожжённых людей. В особой комнате нас осмотрели, заполнили лагерные карточки, проклеймили пятизначными номерами, как скотину на ферме. Теперь эти цифры были нашими фамилиями и именами. Ночью нас распределили по баракам и объявили недельный карантин. Мы с Томкой так измучились, что повалились на нары и сразу уснули. Проснулись от крика «Ауфштиг!», значит – подъём. Выгнали нас из блока на улицу, до полудня мы стояли под дождём. Болело всё: спина, ноги, руки, голова. Обед нам привезли в железных бочках. В одной тёплая вода с берёзовыми листьями – чай. Дали каждому по кружке. В другой какое-то варево – суп, досталось по миске на двоих. Ложек не было, мы просто пили эту горькую бурду. От этого супа людей тошнило, но приходилось привыкать, чтобы выжить. И опять стояли до темноты на одном месте. Перед сном получили по куску хлеба и по кружке чаю. Так весь карантин. После него начались настоящие каторжные работы. Возили на расчистку леса, потом на осушку болот, на разные земельные работы. От нас отделили детей, перевели их в блок под названием «киндерхайм» – детский дом. Он был разделён на две части: барак и лаборатория. С Томкой мне тяжело было расставаться, но плакать не было сил, слёзы уже иссякли. Я просто каждый вечер читала молитву и звала Томку к себе. Бог меня услышал. Однажды поздно вечером нас привезли после чистки сточной канавы и разрешили ополоснуться. Лейки с холодной водой были под навесом у детского дома. Выделенные десять минут быстро закончились, но не все ещё успели смыть вонь, в их числе была и я. Надзирательница дала нам возможность домыться и повела основную колонну в барак. Из лаборатории детского дома неслись жалобные стоны и пронзительные крики. Я не выдержала, пошла к светящимся окнам, заглянула. Мелькали белые халаты, а моя душа от этого потихоньку умирала. Вдруг в окне появилось лицо, как из преисподней на меня смотрели глаза. Я отшатнулась, перекрестилась, лицо исчезло. Скрипнула и открылась дверь. Вышла тётка в белом халате, она под мышкой несла мою Томку. Посмотрела на меня, кинула её мне в руки и зло сказала: «Я помню, это твоя девчонка. В последнее время она даёт мало крови. На работах с неё будет больше толку. Забирай!». Я схватила мою девочку и, откуда силы только взялись, бросилась к бараку. С этой счастливой минуты мы больше не расставались. К нашему лагерю приблизился фронт. Даже бои самолётов в небе видели, а по ночам была слышна канонада. Однажды над лагерем пронеслись самолёты и сбросили бомбы. Одна из них попала в водонапорную башню. Огромный бак с водой отбросило взрывом на плац. Он лопнул. Водяная волна смешала заключённых и немецкую охрану. Началась драка, стрельба. Все разбежались, кто куда. Опять в небе пронеслись самолёты, лагерные ворота и вышку с охранником столб огня поднял вверх и разбросал по сторонам. «Девчата! – крикнула я. – Чего мы ждём? Тикаем, пока немцы не опомнились!». Дальше всё помню, как в тумане. Куда-то бежали… Но хорошо помню, что Томку всё время держала за руку. Провалились в небольшой ров, сверху нас присыпало землёй от взрыва. Отдышались, рискнули вылезти, когда стало смеркаться. Измождённые, голодные, далеко уйти от лагеря мы, конечно, не могли. Было видно зарево от горящих бараков, чёрные клубы дыма поднимались в небо, доносились звуки стрельбы. Ночь с Томкой провели в канаве, а утром встретили других женщин из нашего барака. Они рассказали, что нигде нет ни единого немца, но по дорогам ходить опасно, немало людей взорвалось. Несколько дней просидели в лесу. Сколько же было радости, когда на нас наткнулась группа разведчиков! Мы плакали от счастья, что дождались наших освободителей, что выжили в этом аду. Теперь у меня появилась надежда увидеть вас. В сортировочном пункте нас таких было много. В течение месяца нам выправили документы, посадили в попутку, идущую на Гомель. Ну, вот и всё, теперь мы с Томкой дома, а дома нет…

Мама замолчала. Моё сознание не могло принять всё, что она рассказала. Казалось, что это из области конца света. Мы молчали, боясь шелохнуться. Повисла гнетущая тишина.

– Не переживай, Варвара, – разрядил обстановку дед. – Будет у тебя дом, ещё лучше, чем был. И

село отстроим заново. Главное, фашистов прогнали с нашей земли. А закончится война, и мужики вернутся. Посмотри на детей, вон сколько их у тебя за войну стало. И каждый из них за эту войну целую жизнь прожил. Выучатся, людьми станут. Мы ещё гордиться ими будем.

Журихина Таисия Николаевна - родилась в Калининградской области. Победитель и дипломант многих международных, межрегиональных и областных конкурсов. Член СПР. Прозаик, поэт, публицист. Внесена режимом Зеленского в санкционные списки. Почётный гражданин Полесского округа. Председатель ЛИТО имени Николая Василевского. Живёт в посёлке Залесье Полесского района Калининградской области.

Наша земля

(разговор деда с внуком)

Под грядки с внуком огород копали,
Трудился горожанин в меру сил.

Работа шла к концу. Устав, молчали,
И вдруг он неожиданно спросил:
– А, правда, дед, что здесь земля не наша?
Оторопев, гляжу куда присесть
Он, продолжая, хворостинкой машет:
– И вовсе не хозяева мы здесь?..
Ищу рукой опору понадёжней,
Ну, озадачил, прямо скажем, внук,
На первый взгляд вопрос-то и не сложный,
Но как ответить в двух словах ему?
– А ну, припоминай, где ты родился?
Где отчий дом родителей твоих?
Откуда я и как здесь объявился?
Ну что же ты, голуба мой, затих?
Вот прадед твой был родом с Украины
И жил бы там до старости без бед,
Когда б фашист орду свою не двинул
На землю русскую. – Тут голос мой окреп:
– Когда-бы не крушил рукой кровавой
Деревни наши, сёла, города,
Не жаждал бы, стервец, военной славы,
Не сеял бы разруху, смерть… Тогда
Землица-мать от горюшка стонала…
Обороняться вышел стар и млад…
И вскоре «фрицам» так бока намяли
Что, видимо, до сей поры болят…
Погнал солдат врагов своих до моря,
До самой вражьей западной земли,
Которую, потом, с победой вскоре,
Землёй Калининградской нарекли.
Здесь прадеду пришлось с врагом сразиться,
Он кровь за эту землю проливал,
А чтоб фашизм не смог вновь возродиться –
Форпостом мира новый край назвал.
А там и я на свете появился
И в области прожил почти весь век.
Отцовскими медалями гордился
Особенно за взятый Кёнигсберг!
Ну, а потом, когда отца не стало –
Контузия, осколок доконал,
Я ордена его все и медали
Сынишке, бате твоему отдал.
Чтобы берёг он дедовы награды,
Его военной славой дорожил
И помнил бы, что эту землю смлада
Он кровушкой солдатской заслужил…
…Ну, что ж ты хворостинкою не машешь,
Не убедил? Как мой тебе расклад?
– Да ладно, дед, земля, конечно, наша.
И город – русский, наш – Калининград!

Грицук Анатолий Павлович - родился в 1951 году. Окончил Литературный институт им. Горького. Председатель Общественной писательской организации «Росток» города Советск, член Союза писателей России, действительный член Международной академии русской словесности. Занесён в Книгу Почёта города Советска Калининградской области. Поэт, прозаик, публицист. Живёт в Советске Калининградской обл.

В Курском приграничье

Нацисты перешли границу.
Рвут взрывы землю на клоки.

Горит несжатая пшеница.
Домов пылают островки.

От мародёрства и расправы
Себя и дом свой не спасти,
Когда – на время – нет управы
И от прилётов не уйти.

У стариков не то здоровье
И прыть совсем у них не та
За всё за это платят кровью
Врагам, плюющим на Христа.

То в погребах, а то – в подвалах
Пережидают трудный срок
Нацистской пулей убивало
Тех, кто покинуть дом не смог.

Бойцы спасают всех, кто выжил –
Увозят дальше от войны.
С небес Господь их видит свыше,
Да и безбожники видны.

Собаки, собираясь в стаи,
Ведут охоту за еду
И озверевшие, дичают –
Работа челюстей в ходу.

Мычат недоены коровы.
Гуляют свиньи по дворам.
Счёт будет к нелюдям суровый,
Сопоставим по их делам.

Здесь, в Курском нашем приграничье
Бесславный ждёт врагов конец.
Нацизма мерзкое обличье
Российский истребит боец.

Обстрел

Пробит радиатор и два колеса,
Едва успевает компрессор качать.
А до батареи ещё полчаса –
Там нечем врагу на обстрел отвечать.
От жара пока не заклинил мотор –
На счастье, в подмогу
наш русский мороз –
Все триста лошадок пронзают простор.

Доставить снаряды – важнейший вопрос.
Капот, как бумага – осколком прошит.
Ранение в руку, но терпит рука.
От частых разрывов округа дрожит…
Случается, жизнь на войне коротка.
Военный водитель, ещё пять минут,
Хотя наготове взведён автомат.
Снарядов, как хлеба голодные, ждут.
На полную жми к батарее, солдат.
Удачно пришлось уходить от обстрела.
Дорога летела, поездка к концу.
Но сделано дело, важнейшее дело.
Тельняшка вспотела, и пот по лицу.
Команда расчёту: к машине, аврал!
Одним разгружать, а другим заряжать!
…Стоит, остывая, подранок «Урал»,
А радость такая, что не передать.

Возмездие наступит

Российский воин, сильный духом сыне,
В предсмертный час, у жизни на краю,
Ты показал величие и силу,
Не дал врагу унизить честь свою.
Бандеровского «слава Украине»
От пленников враги не дождались.
И злоба от бессилия нахлынет,
И выстрелы в отместку раздались.
Душа жива. Она неистребима.
И память о героях – на века!
Когда война – народ непобедимый,
Хотя цена победы высока.
Возмездие наступит. В безоружных
Нацистам в радость выпало стрелять…

Как вестник смерти, чёрный ворон кружит,
Чтобы убийц в объятия принять.

Долина Валентина Михайловна – родилась в городе Мурманск. Работает доцентом на кафедре

промышленного рыболовства в Калининградском государственном техническом университете. Кандидат педагогических наук. Поэт, прозаик, публицист. Автор многих известных текстов песен и романсов, в том числе о Калининграде «Город российский». Печаталась в известных литературных журналах и альманахах. Победитель нескольких конкурсов. Автор поэтического сборника.

Живёт в Калининграде.

Негасимая любовь

Памяти Всеволода Остена

Зоя шла к мужу хорошо знакомой дорогой. Она ходила и продолжает ходить этой дорогой, ставшей для неё привычной, уже пятый десяток лет, и перемены вокруг ей не казались значительными, потому что они происходили годами, постепенно меняя привычную городскую картину. Эта дорога к погосту не была для неё скучной, потому что Зоя шла и читала по дороге стихи своего мужа,

Всеволода Остена. Она читала их молча, про себя, и лишь иногда, не видя рядом попутчиков, шептала хорошо знакомые и такие дорогие её сердцу строчки! Иногда она обращалась и к своим стихам, стараясь передать свои мысли и чувства, и это были чувства непроходящей, неугасающей любви к мужу:

Не вернуть, не вернуть,
Мне тебя не вернуть,
Как на тот край земли
Никогда не взглянуть.
По ночам я скулю,
Как затравленный пёс,
Не хватает мне сил,
Не хватает мне слёз.
Но я верю в одно -
В мир блаженный иной,
Где любимый нашёл
Долгожданный покой.

Дорога к мужу для неё с каждым годом становилась всё сложнее: после девятого десятка лет своей жизни путь этот давался ей не просто, годы как бы подтачивали силы, но Зоя не сдавалась. В автобусе, видя почтенный возраст женщины, ей уступали место, а дальше – не торопясь, пешком… со стихами. Но вот и знакомая решётка забора. Зоя миновала кладбищенскую церквушку, прошла немного по центральной аллее и свернула на знакомую до трещинки дорожку. Она с поклоном положила на надгробье пару веточек хризантем и при-села на лавочку: «Здравствуй, Севушка. Ждал? Я тоже соскучилась, дорогой мой. Не была у тебя уже три дня… Что же тебе рассказать, родной мой?» Зоя говорила с мужем каждый раз, приходя сюда, и это были не просто монологи, она точно знала, что он слышит её и нередко слышала в ответ его голос.

Да-да, иной раз она слышала его голос! А иногда он давал о себе знать лёгким дуновением ветерка или нежным прикосновением листиков берёзы, выросшей здесь же, у дорожки, уже на её глазах, а иной раз - птичьим пением какой-то птахи, усевшейся на веточку рядом с ней, с Зоей, и она знала: он рядом…

Пришла я в пояс поклониться –
На кладбище туман густой,..
Он окропил твою могилу
Скупой прозрачною слезой.

И всё вокруг покоем дышит,
И этот благостный покой

Я сберегу, чтобы услышать,
Родной, любимый голос твой.

Ту тишину не каждый слышит
И голос тот, что слышу я,
Звучит всё глуше и всё тише –
Уйти не в силах от тебя.

Она сообщала ему о самых главных событиях земной, такой тревожной и пёстрой жизни: вот родился первый внук, вот второй, вот уже правнуки пошли… А иной раз старалась порадовать мужа маленькими семейными радостями. И от этого радость казалась ярче и значительней, и на сердце становилось легко и спокойно. Семья разрасталась, крепла, дети взрослели, принося и радости, и заботы.

Зоя родилась на Рязанщине в многодетной семье, и остались у неё о доме самые светлые воспоминания, потому что дом был тёплым и этого тепла хватало всем, а для бабушки она была самой любимой, «младшенькой». Но Россия - неустроенная нищая крестьянская Россия... - обжигала её сердце, и эту боль она отразила в стихотворении «Прости меня, Россия!».

Прошла я по Рязани,
Прошла я по Москве...
Дни были наказаньем
И остриём в виске.
Вот нищий у дороги,
Вот заколочен дом…
И вязли мои ноги
Под слякотным дождём.
Глазам ли мне не верить?
И мне ли обвинять
Привыкшую к потерям
Мою Россию-мать?

Первый, не очень счастливый брак, закончившийся предательством мужа, оставил в её сердце глубокую, долго не заживавшую рану. Вот что она пишет о том периоде своей жизни:

…Меня любил другой тогда,

Был ярок яблонь цвет…
…И пусть того, что было, – нет,
И дней бездушен бег
Оставил в сердце чёткий след,
И он со мной навек!

Она благодарна судьбе и за эту первую любовь, и за брак, подарившей ей двух любимых сыновей. Прошло много лет, рана зарубцевалась, но обида на женщину, разрушившую святая святых – семью и оставившую двоих мальчишек без отца, живёт с ней всю жизнь. Она поднимала своих детей одна, много работала, училась, а новый брак для мужа-предателя оказался совсем недолгим. «Что же такое любовь?» – спросила я её одним долгим тёплым вечером, вечером воспоминаний. И она ответила просто и лаконично: «Любовь – это болезнь. Да-да, это болезнь души и сердца, и эта болезнь гораздо сильнее иной физической боли…. Она может дать человеку крылья, но может и разбить сердце, парализовать волю, отнять разум…». С высоты её возраста, жизненного опыта и чувств, которые она пережила и несёт в своём сердце уже много десятков лет, не согласиться с ней невозможно. Знакомство её с Всеволодом Остен состоялось лишь через семь лет после её расставания с первым мужем. Побывав у неё в гостях вместе с коллегами, Всеволод Викторович не запомнил её адрес и дом, обычный среди таких же типовых строений 7-х годов на Ленинском проспекте, поэтому долгое время – почти год! – ушло на поиски. Но он в своём стремлении найти Зою был непреклонен, и потому встреча состоялась.

В браке они прожили двадцать пять счастливых лет.

Зоя всегда была и остаётся прекрасной хозяйкой, у них в гостях часто бывали друзья, и главной темой встреч обычно была литература. Для Зои творчество тоже было не на последнем месте, она бралась за кисть и многие её работы: этюды, морские пейзажи, художественные вышивки и сейчас украшают её обихоженную квартирку.

Она не просто любила мужа – она гордилась им и его успехами: имя его звучало в литературных кругах города. Но здоровье его, подточенное войной, участником которой он был, а также застенками одного из самых страшных концентрационных лагерей – Маутхаузена (в Австрии), не позволило ему дожить до 70-ти лет. После его ухода горе Зои было безгранично: тут вспоминаются её слова о любви и строчки, написанные в горячей боли:

Я, может, в свою потерю
Когда-нибудь и поверю –
Что нету тебя на свете,
И лишь душа на планете
Летает, как лёгкий ветер.
Она меня не бросает,
Она мою жизнь спасает.

Как это обычно бывает, глубокие чувства пробуждают в творческой натуре долго дремавшие рифмы. Через боль и страдания к ней пришли потрясающие строки. Вот как она пишет о своей жизни и своей судьбе в стихотворении «Да будет так!»

Я жизнь свою благодарю –
Пусть годы, как вода,
И мне никак их не вернуть
Обратно никогда!
Но в них – и первая любовь,
Подаренная мне,
Сплетенья снов, сплетенья слов
И сердце, как в огне…
И я счастливицей была,
Был праздничным весь Свет,
И к встрече нас тропа вела
Сквозь буреломы лет.
И два раскинутых крыла
Открыли нам простор.
К земле ночная никла мгла
Сквозь лиственный узор…
Жизнь и Судьбу благодарю –
Пусть годы, как вода,
Прошли, но мысленно вернуть
Я их могу всегда!

Творчество её мужа, Всеволода Викторовича Остен, осталось в литературе нашего Янтарного края ярким и мощным явлением. На доме, где они жили с Зоей, установлена Мемориальная доска.

Празднование столетия со дня его рождения вылилось в заметное событие города, многие литературные деятели пришли к доске с цветами, чтобы отметить 100-летие со дня его рождения и почтить его память. Деятели культуры читали стихи Остена и стихи в память о нём.

Сама Зоя посещает литературно-поэтические мероприятия, встречи с известными и местными писателями и поэтами. Зоя не считает себя ни поэтом, ни художником, но счастлива тем, что жизнь ей подарила Любовь, её женская судьба насыщена и потому прекрасна. В ней были взлёты и падения, радости и беды, но она сохранила в себе необычайное душевное тепло, которым она щедро делится со всеми окружающими её людьми.

Мы счастливы быть в Вами, дорогая Зоя Дмитриевна!

Савенкова Галина Михайловна – родилась в посёлке Чистые пруды Нестеровского района Калининградской области. Юрист, преподаватель истории и обществоведения, ныне – пенсионер. Писатель-краевед. Член СПР. Лауреат и дипломант литературных конкурсов: «Тёркинские чтения», «Имени Фатыма Карима», «Русский Гофман», «Имени Всеволода Остена», «Патриот Земли Российской имени Великого князя Александра Невского». Живёт в Калининграде.

Один день

Апрельская капель и тёплые солнечные лучи, пробивающиеся сквозь просветы ватных облаков, заявляли об отступлении холодов и приходе всеми любимой, долгожданной весны. Гуляя по улицам города и наблюдая за робким пробуждением природы, Марина Александровна радовалась хорошей

погоде и обходила ямки на неровном тротуаре, держа внука Ваню за концы шарфика. Трёхлетний внучок останавливался около стаек голубей, не многословно и невнятно разговаривал с ними на языке, понятном только ему и его маме, восхищался бездомными котами, лежащими на трубе теплосети и, как маленький путешественник, познающий мир, шагал вперёд.

В одном из переулков к бабушке с внуком подошла пожилая женщина и вежливо спросила, как найти поликлинику, расположенную где-то рядом в этом микрорайоне. Её яркая внешность с волнистыми тёмными волосами, карими глазами и правильными чертами лица напоминали красавиц, обаятельность которых годы не портят и не заметить их привлекательность просто невозможно. Чтобы не объяснять, где нужно свернуть и какие пересечь улицы, Марина Александровна предложила незнакомке показать дорогу к медицинскому учреждению, так как находится оно недалеко, и им с Ванюшей было всё равно где гулять.

По пути к поликлинике женщины разговорились. Представившись беженкой из Донецка, новая жительница Калининграда рассказала, что живёт тут около года и в будущем, когда закончится специальная военная операция, планирует вернуться в свой родной край, откуда бежала летом 2022 года. Выехать из интенсивно обстреливаемой нацистами зоны и остаться живой ей помогли соседи, у которых в машине было одно свободное место. Убегая от войны и спасаясь от смерти, пенсионерка потеряла всё, что было нажито за долгие годы труда, и приехала к сыну с маленькой сумочкой, в которой были только документы и лекарство.

На вопрос Марины Александровны, поддерживает ли она связь с земляками и как они относятся к тому, что войска вооружённых сил Российской Федерации зашли на территорию Украины, женщина воскликнула:

– Россия нас спасла! Если бы её войска не пришли вовремя, боевики ВСУ напали бы на Донбасс и убили всех: русских, украинцев, мужчин, женщин, детей, стариков. Если бы не помощь вашей страны, я бы перед Вами не стояла. Меня бы уже не было в живых! Для бандеровцев жители Донецкой, Луганской народных республик и Крыма – враги. Мои земляки это понимают и благодарны российским бойцам, воюющим за свободу нашей земли и помогающим гражданским людям выбраться из опасных районов.

Такой эмоциональной реакции на свой вопрос Марина Александровна не ожидала. Увидев слёзы женщины, она не только услышала её рассказ, а всем сердцем и душой почувствовала, какой ужас пришлось пережить беженке, спасавшейся в подвале дома под обстрелами врага и мчавшейся в сторону России на машине, в которой все пассажиры молились, чтобы проскочить опасную зону, пока не появился вражеский дрон. Выбравшись из ада войны, настрадавшийся человек знала цену мирной жизни и искренне выражала свою благодарность стране, не бросившей её народ в беде.

Дойдя до поликлиники, собеседницы остановились и продолжили свой разговор. Незнакомка достала из сумочки российский паспорт, прижала его к груди и с волнением в голосе сказала:

– Позавчера мне – украинке по национальности, вручили вот этот документ. Я теперь тоже россиянка и горжусь этим. Сейчас вот хочу встать на учёт – не молодая ведь, вдруг понадобиться медицинская помощь.

Родом я, как Вы поняли, из Донецкой области. После распада Советского Союза многие мои соотечественники были вынуждены искать работу за пределами Украины. Мне пришлось уехать в США и шестнадцать лет быть прислугой в доме одной из американских семей. Очень скучала по родине и, несмотря на то что после Евромайдана с 2014 года в сторону Донбасса летели снаряды, в 2016 году я вернулась в Донецк. Прожив там шесть лет и потеряв квартиру в обстрелянном ВСУ доме, была вынуждена бежать в Россию. За годы скитаний по странам увидела, как живут люди за

океаном, как относятся к ним в «самостийной» бандеровской Украине и скажу, что самые отзывчивые – русские. Я перед ними готова стоять на коленях. Россия нас спасла и спасает. На Украине сегодня бесовщина. У власти – люди, которые уничтожили страну и уничтожают украинский народ.

Выслушав внимательно женщину, Марина Александровна ещё раз убедилась в том, что всё, что происходит в бывшей союзной республике – большая трагедия двух славянских народов, дружбу которых сумели разорвать враги России. Её сострадательные соотечественники – россияне, вынуждены теперь спасать людей от геноцида, проводимого киевской властью в отношении жителей свободолюбивого Донбасса. Из уст беженки в личном общении ей было очень важно и интересно узнать о том, что на самом деле происходит на Донбассе и как жители освобождаемых от неонацистов районов относятся к тому, что вооружённые силы РФ на их территории проводят специальную военную операцию.

Попрощавшись с женщиной и пожелав ей здоровья, бабушка с внуком отправились домой. Ванюше пора было обедать и ложиться спать. Вечером, передав внучонка маме и возвращаясь на такси домой, Марина Александровна заметила, что возбуждённый водитель чем-то очень взволнован и хочет выговориться. Видимо такова была её сегодня участь – узнавать новости, общаясь с людьми.

Чертыхаясь и стоя в образовавшихся в час пик пробках на дорогах областного центра, мужчина рассказал ей, как только что впервые за много лет работы таксистом высадил пассажиров, не довезя их до места назначения. Пассажирами были трое молодых студентов, заскочивших в салон автомобиля с банками пива и эмоционально делившимися своими впечатлениями о сходке сторонников Алексея Навального, на которой речь шла о проводимой специальной военной операции на Украине, осуждаемой их кумиром.

Не желая слушать болтовню не знающих жизни юношей, и, судя по их высказываниям, не понимающих причины начала СВО, таксист попытался возразить им:

– Ребята, более двадцати лет тому назад, говоря о чеченской войне, наш известный актёр и телеведущий Сергей Бодров, погибший в Кармадонском ущелье Северной Осетии, сказал правильные слова: «Во время войны нельзя говорить плохо о своих. Никогда. Даже, если они неправы». Вместо того, чтобы почитать историю Великой Отечественной войны и узнать, какой вред несут человечеству нацисты, сколько миллионов людей погибло от них в годы Второй мировой войны и сколько было пролито крови советских солдат и офицеров, чтобы выдворить гитлеровскую армию за пределы нашей страны, вы бегаете по антироссийским сходкам.

В той жестокой войне, когда враг хотел захватить нашу страну, патриоты-подростки совершали подвиги. Слышали ли вы когда-нибудь имена Героев Советского Союза Лёни Голикова, Марата Казея, Зины Портновой? Они были моложе вас, любили и защищали свою Родину и отдали за неё свою жизнь.

Сейчас над Россией вновь нависла опасность. Патриоты страны её спасают. А чем занимаетесь вы? Живёте в спокойном регионе, под тихим небом и идёте на поводу у врагов. Во время специальной операции, когда наши бойцы гибнут за то, чтобы ваша страна сохранила свою свободу и независимость, никакой бузы в обществе быть не должно! Вместо того чтобы вступить в Народный фронт и быть волонтёрами, помогающими Донбассу, вы вставляете нож в спину нашим бойцам, среди которых есть ребята, которые чуть старше вас. Участвуя в разобщающих общество протестах, предаёте тех, кто, рискуя своей жизнью, делает всё, чтобы мы были живы, вы имели возможность учиться.

Недостатки есть в каждом государстве. Выискивая их, провокаторы используют вас для разжигания

в стране беспорядков и смены власти, которая делает многое, чтобы Россия победила нацистов и сохранила свою свободу. Цель наших врагов – рассорить россиян. Ведь, с разобщёнными людьми легче справиться. В трудный час вы предаёте не только интересы своей Родины и тех, кто на передовой проливает кровь и защищает русский мир, но и память ваших прадедов, победивших гитлеровцев.

Прервав водителя, один из студентов заявил, что ему наплевать, кто там: на СВО его защищает. Он об этом никого не просил.

Услышав возмутительные слова, мужчина припарковал машину, отрыл дверку, схватил безусого юнца за грудки, вытащил его из салона и сказал: «Пока твои родители содержат тебя и надеются, что вырастят нормального человека, ты ведёшь себя, как никчёмный недоумок, которого легче прибить, чем перевоспитать! Пошёл вон!» Видя разъярённое лицо взрослого человека и его сжатые кулаки, друзья «недоумка» выскочили из машины без напоминаний, а чуть было не навалявший «навальнятам» таксист, никак не мог успокоиться, пока не поделился своей болью с Мариной Александровной, оказавшейся его следующим пассажиром и поддержавшей его поступок.

Выслушав водителя, она высказала своё мнение по актуальной и наболевшей проблеме:

– В предшествующие началу СВО десятилетия, сокращение часов по изучению истории Великой Отечественной войны, отсутствие четкой национальной идеи и стержня, объединяющих наше общество, стали результатом недоработки в патриотическом воспитании молодёжи, попадающей на удочку антироссийской пропаганды. Да и не только молодёжи. Порой слушаешь людей, убелённых сединой, и удивляешься, что они не могут назвать даты Второй мировой и Великой Отечественной войны, место рождения своих родителей и отчество своего фронтовика деда, но при этом, неся чушь, пытаются рассуждать о международной политике.

Однако нет худа без добра: специальная военная операция обнажила проблемы в общественном сознании людей и разбудила в них чувство патриотизма, которому сегодня уделяют немало внимания, особенно среди детей. В целом молодёжь у нас неплохая. Думаю, что со временем, студенты, которых Вы сегодня высадили, повзрослеют. Если в их сознании и воспитании всё не так серьёзно запущено, они задумаются и ваш урок будет им на пользу. Действовали Вы, конечно, не педагогично, но, иногда вот такая встряска полезна.

Добравшись наконец до своей квартиры, Марина Александровна решила послушать по телевизору вечерние новости, а потом пообщаться с друзьями. Несмотря на то, что жила одна, дефицита общения с людьми, она не испытывала. Удовольствие ей доставляли не только встречи с людьми и звонки друзьям, но и переписка с ними в социальных сетях. Вот и сейчас, заглянув в ноутбук, женщина порадовалась, прочитав сообщение от своей подруги детства, работавшей до ухода на пенсию ведущим специалистом администрации района, а теперь к удивлению людей, занявшейся необычным для неё делом: шитьём мужских трусов и отправкой их с гуманитарной помощью на СВО. Бывший сотрудник органов власти узнала от волонтёров, что бойцы в них нуждаются и радуются, если они сшиты из натуральной ткани. Используя постельное бельё, которое ей приносят жители города, и, обращаясь за тканью в воинскую часть, новоиспечённая портниха строчит трусы и довольна, что её труд востребован и приносит пользу. Всего на сегодняшний день она сшила их 870 штук, о чём сообщила подруге.

Следующее послание вызвало у Марины Александровны улыбку. Оно было от участника СВО, который месяц тому назад прислал ей письмо и тут же, предложил встретиться, когда будет в отпуске. Читая то письмо, женщина догадалась, что размещённая в социальных сетях фотография, на которой она запечатлена, когда ей было 50 лет, ввела человека в заблуждение относительно её сегодняшнего возраста. Будучи не наивной, она понимала, что мужчина, имеющий серьёзные

намерения познакомиться, так себя не ведёт, и ответила ему, что обратился он не по адресу: она далеко не юная девушка, уже бабушка, у неё всё хорошо и менять что-то в своей жизни не желает. Решив, что на этом разговор с охотником женских сердец или места, где примут бездомного под крышу, закончен, она тут же забыла о мимолётной переписке.

И вот сегодня этот же человек вновь написал ей и сообщил, что после ранения он лечится в госпитале, одинок и возраст очень красивой женщины его не смущает. Улыбнувшись настойчивости кавалера, моложавая бабушка трёх внуков в своём ответе ещё раз объяснила ему, что встречаться и выходить замуж она не собирается. Чтобы не обидеть бойца своим отказом в более близком знакомстве, в конце письма приписала: «Женщин одиноких и достойных много. Найдём мы тебе невесту!» И про себя подумала: «Ты только выживи в этом смертельном противостоянии, герой, и вернись домой».

Отключив компьютер и помолившись на ночь Богу за спасение и победу наших бойцов в священной борьбе за Родину, Марина Александровна проводила ещё один день своей жизни. Один день, а с какими интересными встречами и разными новостями! И вовсе не странно, что все они прямо или косвенно касались событий, происходивших на СВО. Ведь тыл с фронтом живут в одной связке общими заботами о людях и их настроении в атмосфере всеобщей тревоги и ожидания, когда же закончится эта безумная бойня, развязанная странами НАТО, подбирающимися к границам России, и наконец-то наступит прочный, желанный мир.

Кожевникова Екатерина Игоревна –родилась 11 декабря в Калининграде. Имеет диплом магистра по специальности «Филология» (английский язык и литература). Поэт. Победитель нескольких литературных конкурсов. Автор поэтических сборников. Пробует свои силы и в публицистике. Член СПР. Член правления Калининградского регионального отделения Союза писателей России. Руководитель совета молодых литераторов Калининградской области. Живёт в Калининграде.

Единение

В этот день погода была ветренная. Солнце порой выглядывало из-за облаков, но земля не прогревалась. Люди, подходившие к зданию музея, зябко кутались в пальто. Лето как будто совершенно не собиралось наступать. Я опаздывала.

Толкнув массивную деревянную дверь, бегу по лестнице наверх в музейный холл. Вижу знакомые лица коллег. Улыбаемся, здороваемся. Я иду в гардероб, улыбаюсь милой женщине, следящей за порядком.

Сегодня презентация новой книги. Давно я никуда не выходила. Народу собралось уже много. Слышала, что книга посвящена участникам СВО, нашим землякам. Автора я не знаю.

Поднимаемся на второй этаж, рассаживаемся в зале. Никогда тут не была. На стенах замечаю баннеры. На каждом из них фотография героя СВО. На самом деле я давно не смотрю телевизор, не слежу за новостями, даже в Интернете их не читаю. Поэтому никого на этих баннерах не узнаю. Написано, что они герои, что совершили важнейшие операции в зоне боевых действий. Чувствую, что внутри что-то сжимается. Выдыхаю, и обращаю внимание на зал. Уже почти начало мероприятия. Свободных мест не осталось. Свет выключается.

На сцену поднимается мужчина в костюме. Среднего возраста, с идеальной осанкой, приятными чертами лица и звучным голосом. Он зачитывает приветствие залу, рассказывает о книге. Оказывается, что он автор. Отвлекаюсь. Слышу всхлипывания. Справа от меня сидит женщина. Понимаю, что всхлипывает она. Может аллергия? Слушаю дальше. Дальше показывают видеоролик о наших ребятах, ушедших на СВО. Они рассказывают о своих буднях, о заданиях, о трудностях, с которыми им приходится ежедневно иметь дело. Внутри снова появляется тяжесть. Что-то сдавливается в области грудины. Сердце начинает биться быстрее. «Господи, сохрани их всех» – проносится в голове. Ролик заканчивается.

Свет в зале гаснет. Слышу голос мужчины: «Объявляю минуту молчания». Я встаю. Люди встают за мной. На экране всплывают фото тех мужчин и парней, кто погиб, выполняя свой воинский долг. Я стою, но чувствую, как ноги немеют. Чувствую, как тяжесть в груди нарастает, как она становится камнем. Слёзы наворачиваются на глаза сами собой. Я не знаю никого из них, но я чувствую, как будто бы за каждого болит моё сердце. Мы единое целое. Вдруг, женщина рядом вскрикивает: «Это ж мой Сереженька!» и прижимает платок к губам. Я уже не могу сдерживаться. Я кусаю губы, но слёзы текут из глаз. Я не поворачиваюсь вправо, не вижу лица этой женщины, не знаю кто она, жена или мать. Но я очень хочу взять её за руку, хочу показать, что мы все страдаем, что это наша общая потеря... только я боюсь. Не решаюсь. Тёмный зал. Тишина. Отсчёт секунд, который, кажется, идёт уже бесконечно... и эти фотографии с чёрными лентами.

Свет зажигается. Мужчина говорит ещё что-то, но я уже ничего не слышу. Я слышу только стук метронома. Я чувствую, как содрагается тело женщины от беззвучных рыданий. И моя душа рыдает вместе с ней. Вместе со всеми женщинами, чьи сыновья, мужья, парни не вернулись домой. Не представляю, как можно пережить такое горе.

Люди встают со своих мест. Мероприятие окончено. Все идут к сцене сделать общее фото. Иду за ней. Не выдерживаю, аккуратно дотрагиваюсь до плеча:

– Соболезную Вам.

Она поворачивается:

– Спасибо. Два года прошло, а я всё никак привыкнуть не могу. Сыночек мой...

Она вытерла слёзы платком и ушла вниз в фойе. А мне так хотелось сказать или сделать что-то ещё. Но я была абсолютно бессильна перед ужасом этой войны. И от этого становилось особенно больно.

Быкова Людмила Александровна – родилась в городе Узловая Тульской области. Высшее и высшее партийно-политическое образование.

Ветеран труда. Почётный гражданин г. Краснознаменска Калининградской области. Поэт и переводчик. Член Союза писателей России. Автор шести поэтических сборников, сборника переводов стихов народной немецкой поэтессы Йоханны Амброзиус. Публикации в литературных журналах и альманахах Калининградской области в газете, выходящей на немецком языке, «Кёнигсбергский экспресс». Живёт в Калининграде.

Пела внучке бабушка

«Баю-баю-баюшки,
Не лежи на краешке,
Ляг поближе к стеночке.

Как проснёшься, ленточки
Заплетём мы в косоньки.
Ножки твои босыньки
Побегут по травушке,
Травушке-муравушке
К быстрой звонкой реченьке –
Пусть омоет девочке
Личико и рученьки
Тёплая от лучика
Там водица зыбкая.

Порезвишься с рыбками,
Бросишь хлебных крошечек –
Пусть едят без ложечек.
Поиграешь в камушки.., –
Пела на ночь бабушка
Внучке своей Любушке,
Ласковой голубушке
Трёх годочков о́т роду,
С гривкой цвета золота.
Пела сиротиночке,
Тоненькой тростиночке,
Плачущей о маменьке,
О родимом папеньке.

Сгинули в безвестности
В дальней вражьей местности
Юные родители –
Злыдни их похитили.
Дни пришли кромешные,
Ждёт-пождёт сердешная
Капелька-кровиночка,
Хрупкая былиночка
Матушку-красавицу
И о тяте мается,
Днём глядит в окошечко…

– Подожди немножечко,
Возвратятся ро́дные,
Боженьке угодные
Вотчины заступники:
Не найдут преступники
От злодейства счастия,
Высшего участия,
Век им быть изгоями.
Правда за героями,
Силачами русскими.
Небо нынче тусклое,
Солнце непригожее…
Не томись, хорошая:

Божья птица-странница,

Гамаюн-посланница
В путь готовит пёрышки.
Припасём ей зёрнышки
За благую весточку.
Не посадим в клеточку,
А приветим в горнице.
До вестей охотница
Эта птица райская.
В цветь земную майскую
В гости к нам пожалует.

Не надёжу малую
И не меру сладости,
А премного радости
Принесёт в закорочках
К нам с тобой в каморочку:
Мол, что едут батюшка
С драгоценной матушкой
В ро́дный дом с победою –
Гамаюн всё ведает,
Всё известно умнице,
Царственной прислужнице.

Не печалься, милая:
Птицу сизокрылую,
Что живёт под звёздами,
Не задержишь вёрстами
Над морями грозными,
Над степями росными,
Едкими туманами,
Злыми великанами –
Прилетит ко времени,
Наклюётся семени
И расскажет сказочку.
Закрывай-ка глазочки,
Мой галчонок маленький,
Мой цветочек аленький».

Пуговкина Евгения Леонидовна – родилась в Калининграде. Музыкант (аккордеон). Заведующая музыкально-театральным отделением Детской школы искусств имени Ф. Шопена, преподаватель высшей категории, режиссер. Лауреат различных музыкальных конкурсов. Также стала дипломантом нашего конкурса в прошлом году. Живёт в Калининграде.

Извилистая дорога

Дорога вверх извилисто петляет.
Полынью горькой поросла, плющом...
Простой и честной красотой пленяет
Всё, что с любовью создано Творцом.
Тропинка узкая ползёт смешной спиралью
Всё выше в горы. Женщины идут –
Все в чёрных платьях, связаны печалью,
В руках хоругви высоко несут.
За ними – одинокий мирный ослик,
Украшен лентами и золотой тесьмой,
Благоразумен маленький, вынослив,
Везёт поклажу за своей спиной.
И снова женщины идут, мужчины –
Людей всё больше, больше на тропе.
И детский гробик прямо в середине
Стоит на тёплой ослика спине.

Привязан медвежонок к гроба крышке.
Он мягкий очень, плюшевый такой.
Так хочется быстрей немого мишку
Погладить ласково и бережно рукой.
Живой рекой опять петляют люди.
Процессия идёт, идёт вперёд.
Печальный ослик – лоцман наших судеб
Упрямо в горы за собой зовёт.

* * *

Белым саваном туман окутал поле.
Острый меч разрезал воздух. Рог звучит.
В каждом сердце, в каждой капле алой крови
Боль и страх невинной жертвы говорит.
Эта боль могучей силой всё исправит.
Все грехи – на алтаре и ужас весь.
На рассвете снова солнце заиграет.
Сила Неба вечна! Правда есть!
Войско белых всадников несётся,
Не касаясь раненой земли.
Благодатью сила в сердце льётся.
Предводитель смелый впереди.

* * *

В круговороте жизни всё мелькает –
Корабль в море, в небе птица, тени...
Костёр в камнЯх на берегу мигает –
Он одинок, он танец в вечном тлене.
КружАтся на ветру бумажки, листья,
Пушинки вечности и пепел на песке.
Сменяются века, сюжеты, лица.
Святой Грааль там где-то вдалеке.

Две мельницы, как два простых начала,
Как плюс и минус вместе навсегда.
Стоят у пассажирского причала.
Одна судьба у них и только два крыла.
Одна из них, сражаясь с силой ветра,
Чудовищно и яростно скрипит.
Вторая, в ожидании рассвета,
Безжизненно застыла и молчит.

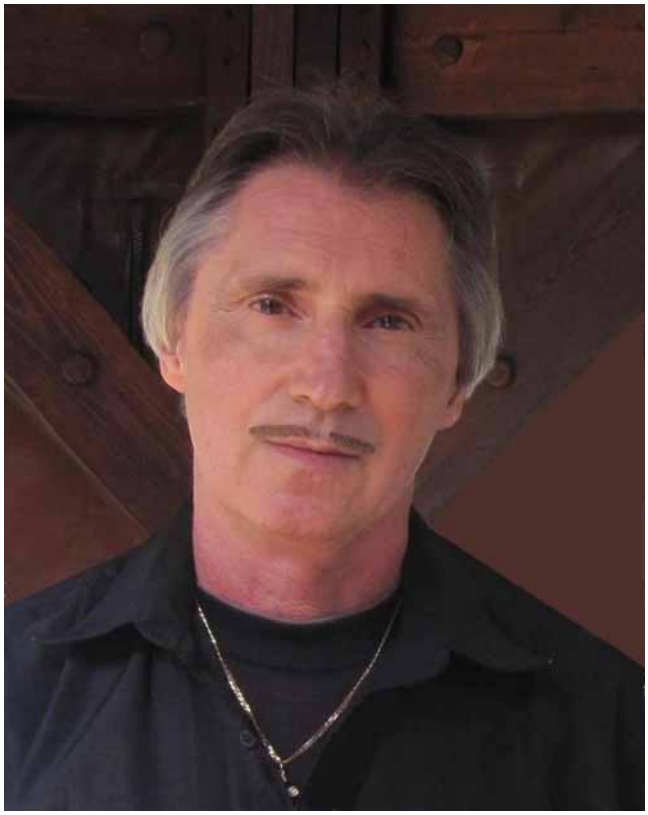
На берегу рыбацкая лачуга.
Висит на стенке старенький пиджак.
Он знает, что не встретит больше друга –
Не взял весло потомственный рыбак.
Безмолвно на песке застыло тело –
Точеный профиль, белые усы...
Но жизнь его, отнюдь, не пролетела.
Он просто перевёл свои часы.
Там где-то между берегом и небом
На линии прибоя есть челнок.
Без весел, без хозяина, без дела
Не чувствуя, где запад, где восток,
Не чувствуя, где полдень, а где полночь,
Качается беспечно по волне,
Решимостью жестокой преисполнен,
Совсем один в безмолвной тишине.

*** * ***

Больше и больше становится море,
Небо закатное с ним заодно.
В лодке без весел качаются двое –
Ослик и мишка – им всё прощено.
Красные полосы нового утра
Тёмное небо разрежут как меч.
Всё в книге жизни придумано мудро,
Всё – череда расставаний и встреч.

Батрушевич Валерий Евгеньевич – родился в 1955 году в г. Кемерово. Учился в двух ВУЗах: военном и гражданском. Работал электромехаником на Калининградской железной дороге. Участвовал в литературных объединениях «Родник» и «Балтийские зори». Поэт. Печатался в региональных периодических изданиях и альманахах. Автор четырёх поэтических сборников. Член СПР.

Живёт в Калининграде.

Грустный подарок

Листья блёклые кружат устало,
И туманною стала заря,
И зачем этот грустный подарок –
Бабье лето в конце октября?

Солнце светит по-летнему ярко,
И пьянит этот сказочный свет,
Словно в кронах осеннего парка
Отрезвляющей осени нет.

Кто провёл этой солнечной кистью,
В недоступное лето маня?..
И летят пожелтевшие листья
В летнем свете осеннего дня.

Волшебные краски

Летят разноцветные листья –
Легко, словно птицы, летят;
Художник осеннею кистью

Рисует цветной листопад.

Симфонией красочной сказки
О вечной земной красоте
Сверкают волшебные краски
На новом прекрасном холсте.

Глядит живописец влюблённо
На яркий рисунок цветной,
А мне только летней – зелёной –
Хватило бы краски … одной…

Приятное тепло

Зима! Иной калининградец
Мечтает в Новый год несмело,
Как о божественной награде –
О снеге безупречно белом.

Когда вся зимняя Россия
Сидит за праздничным столом,
И мир вокруг ещё красивей –
Покрытый новым серебром,

Я рад за мир – он снежной краской
Раскрашен ярко и светло!
Как я зимы калининградской
Люблю приятное тепло…

Ещё несколько дней

Солнце вновь светит ярко и ласково,
Молодая листва шелестит,
Может быть, ещё несколько ласточек
Мимо окон моих пролетит.

И, возможно, мне, больше не ждущему
Ничего в грешной жизни моей,
Будет богом случайно отпущено
Ещё несколько солнечных дней.

Верить в бога другим не советую,
Да и мне эта блажь – ни к чему,

Но за дни эти, солнцем согретые,
Как же я благодарен ему.

Грозовое ненастье

Спокойно стоять у балкона
И, слушая птичий базар,
Дышать непривычным озоном,
Когда пронесётся гроза.

Считать неожиданным счастьем
Свободный от туч небосвод,
Когда грозовое ненастье
Закончит свой грозный налёт.

А там – у небесной границы –
Закат цвета утренних роз,
И радостны шумные птицы,
Не ведая будущих гроз…

Цветущие каштаны

Душевные исчезнут раны,
Теплее станет грустный взгляд,
Когда цветущие каштаны
В весеннем городе шумят.

И наступивший светлый вечер
Становится ещё светлей,
Когда сияют нежно свечи
Густых каштановых ветвей.

Печально то, что май не вечен,
И обязательно должны
Погаснуть сказочные свечи
До новой солнечной весны.

Маленькое счастье

Несравнимо лето никакое
Ни с осенней красочной порой,
И ни с белоснежною зимою,
И ни с жизнерадостной весной.

Находиться в тёплой летней власти,
Как смотреть волшебное кино:
Лето – это маленькое счастье,
Даже если призрачно оно.

Зной, да пыль, да комаров отпетых
Я, пожалуй, просто потерплю,
Потому что солнечное лето
Я безоговорочно люблю.

Высокое небо

Небо чистое, словно на свете
Жизнь приятна, светла и легка,
Видно, вольный восторженный ветер
Далеко разогнал облака.

Облака, как свободные птицы,
Не встречая заметных преград,
Совершенно не зная границы,
В безграничном пространстве летят.

И совсем не случайно на свете,
Где ещё неспокойно… слегка,
Есть высокое небо и ветер,
И летящие вдаль облака.

Стихи

Стихи – это души открытой грусть,
Они звучат приятно и понятно,
Их хочется запомнить наизусть
И тихо повторять – неоднократно.

Добавить комментарий

Комментарии